



Мора Ф.

---

ЗОЛОТОЙ САРКОФАГ

ЕГИПЕТСКИЕ  
НОЧИ

История в романах

Ференц Мора

**Золотой саркофаг**

«Алгоритм»

1932

УДК 821.511.141  
ББК 84(4Вен)

## **Мора Ф.**

Золотой саркофаг / Ф. Мора — «Алгоритм», 1932 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03733-7

Ференц Мора (1879–1934) – венгерский писатель, поэт, журналист. Сын бедного ремесленника. Окончил Будапештский университет. По образованию археолог и историк. Был главным редактором газеты «Сегедский дневник». В 1919 г. Мора горячо поддерживал Венгерскую республику, после революции подвергся гонениям со стороны клики Хорти за политические взгляды. Последние годы жизни был директором Сегедского музея. Мора известен своими историческими и социальными романами; его перу принадлежат сборники рассказов и сказок, стихотворения, статьи. Писательскую манеру Мора, стоявшего на позициях критического реализма, отличает тонкий психологизм, богатый оттенками юмор. В данном томе публикуется роман «Золотой саркофаг», воссоздающий события древнеримской истории конца III – начала IV в. и. э. В центре романа фигура императора Диоклетиана, с именем которого связано установление в Риме режима доминала (неограниченной монархии). На фоне сложных политических событий, столкновений двух религий и двух миров – языческого и христианского – разворачивается история любви Квинтипора (сына самого Диоклетиана, не знающего о своем высоком происхождении) и Максимииллы, дочери одного из соправителей Диоклетиана – Галерия...

УДК 821.511.141  
ББК 84(4Вен)

ISBN 978-5-486-03733-7

© Мора Ф., 1932  
© Алгоритм, 1932

# Содержание

Часть первая	7
1	7
2	15
3	19
4	27
5	34
6	40
7	48
8	58
9	63
10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

# **Ференц Мора**

## **Золотой саркофаг**

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

## Часть первая

### Антиохия, или Книга о политике

#### 1

Даже мраморные стены императорского дворца едва не сомлели в этот знойный сирийский полдень.

Дворцовую стражу одолел сон: в такую изнурительную жару можно было не бояться сполошных наездов. Трое воинов-киприотов лежали навзничь в короткой тени колоннады и громко храпели. Два копьеносца-араба клевали носом, сидя на корточках, как у себя в пустыне.

Против дворца осел глодал кору миртов в священной роще Юноны<sup>1</sup>. Хозяин осла сидел на нижней ступени дворцовой лестницы, прислонясь спиной к мешку с дынями, и тоже спал. Единственное свое одеяние – кожаный фартук до колен, он сдвинул пониже, открыв мухам потную волосатую грудь. Время от времени он нещадно скреб ее ногтями, и тогда мухи перелетали на серое от пыли лицо. Судя по всему, крестьянин забрел сюда, ища тихого местечка в шумной столице Востока. Ему, как видно, было невдомек, что место, облюбованное им для отдыха, – неприкосновенная святыня.

В портале дворца, позади стражи, появился павлин с растопыренными крыльями. Священную птицу Юноны мучила жажда: широко раскрывая клюв, она озиралась по сторонам, где бы напиться. Безуспешно попробовав взлететь на цоколь статуи бога Януса<sup>2</sup>, где воробы чистили перышки, павлин повернул обратно и скрылся за порфиrowыми колоннами портика.

Всюду его встречала сонная тишина; у дверей класса павлин остановился, прислушиваясь к звукам человеческих голосов.

Урок ученикам нового набора давал сухопарый старичок Нонн, самый усердный нотариус великой императорской канцелярии. Воспитание придворной молодежи было делом магистратуры<sup>3</sup> дворцовых служб, но сейчас там все смешалось. Большая часть двора осталась при императоре в Никомидии<sup>4</sup>. В Антиохию вместе с императрицей еще весной приехало лишь несколько сот придворных. Предполагалось, что вскоре на совещание имперского совета – священного консистория – прибудет сюда и сам император. Но проходил месяц за месяцем, а император не приезжал, отчего магистра дворцовых служб в Никомидии и его заместителя в Антиохии все время лихорадило. Такое разъединение дворцового персонала всех выбило из колеи: например, в буфетной специалисту по разделке птицы уже не раз приходилось готовить к столу жареную свинину. Людей перемещали из одной службы в другую. Вот почему нотарию поручили временно взять на себя обучение молодежи. Правда, это дело не могло попасть в более надежные руки, поскольку Нонн, хоть и служил в отделе прошений, придворный устав знал назубок. Не вздорная прихоть, а разумная предусмотрительность побудила нотарию взяться за изучение придворных правил. Он рассчитывал, и вполне дальновидно, что эти знания помогут ему добиться места в магистратуре дворцовых служб, а со временем получить в управление хозяйство одного из дворцов.

Сейчас Нонн разъяснял скучающим ученикам положение о рангах и титулах, переводя их с гортанным сирийским акцентом на греческий. Вопреки повелению Диоклетиана считать

---

<sup>1</sup> Юнона – в римской мифологии одна из верховных богинь, жена Юпитера. Соответствует греческой Гере.

<sup>2</sup> Янус – в римской мифологии бог дверей, входа и выхода, позже – всякого начала. Изображался (нередко – на дверях) с двумя лицами, одно из которых обращено в прошлое, а другое – в будущее.

<sup>3</sup> Магистратура – почетная государственная должность в Древнем Риме.

<sup>4</sup> Никомидия – город на берегу Мраморного моря.

общегосударственным языком латынь, в восточной части империи язык эллинов имел куда большее применение.

– Итак, повторим правила придворной сообразности... Не безобразничай, Ферокс!.. Думаешь, что ты еще в Германии, среди зубров? Кому-кому, а тебе, сыну счастливица, удостоенного величайшей чести быть смотрителем псарни Его Божественности, полагается знать, что при дворе нельзя чесаться, как варвару, всей пятерней, а надо лишь слегка поскрести в волосах последней фалангой указательного пальца левой руки. Вот так: смотри!

Подавленный смех разогнал дремоту подростков: на голове у нотариуса не было ни единого волоска.

Нонн одобрительно закивал головой:

– Правильно: придворный должен улыбаться только уголком рта... Итак, на чем мы остановились, Пирарг?

Юный грек с озорными глазами ответил, хмуря лоб:

– На волосах Вашей Весомости.

Теперь никто не мог удержаться от смеха. Сухопарый старикашка негодуяюще всплеснул руками.

– Ты глуп, как беотиец<sup>5</sup>! По возвращении в Никомидию я тотчас порекомендую Его Степенности протектору отослать тебя домой, свиной пасты... Неужели трудно запомнить, что Вашей Весомостью полагается называть придворных служителей?.. Имейте в виду, что титулы и ранги разработаны самим Божественным Повелителем, и тот, кто путает их, непременно подлежит порке.

Ученики притихли. Преподаватель на кафедре самодовольно откинулся назад и продолжал излагать новые установления о титулах.

– А теперь скажите, как по Положению следует называть меня?

– Ваша Разумность! – прокричали хором слушатели.

Нотарий удовлетворенно кивнул своей птичьей головкой и поднял левую руку.

– Пойдем дальше... Рассмотрим систему высших авторитетов – основу основ Римской империи. Прежде всего – Божественнейший Повелитель!

Сильно вытянув шею, он склонил голову и помолчал.

– Это Рай Аврелий Валерий Диоклетиан, величаемый еще Юпитерственным, во-первых, потому, что он ведет свое происхождение прямо от отца богов, и, во-вторых, потому, что он правит смертными, так же как Юпитер<sup>6</sup> – бессмертными.

Он – старший император, первый август, или коротко – Властелин, Повелитель. За ним следует второй август, божественный Марк Аврелий Валерий Максимиан, называемый еще Геркулием, поскольку происходит он от божественного героя Геркулеса<sup>7</sup>. И если Диоклетиан – разум, то Максимиан – рука; что Юпитер задумает, то Геркулес совершит.

Обожание, положенное второму августу, было выражено несколько менее глубоким наклоном птичьей головки и несколько более коротким молчанием.

– Августы избрали в соправители по цезарю. Август Максимиан...

Учитель запнулся. Поймав себя на грубой оговорке, он опасливо оглядел аудиторию. К счастью, никто не заметил нарушения субординации, и нотариус, ловко маскируя свое замешательство кашлем, продолжал:

– Август Диоклетиан поделил восточную часть империи с цезарем Гаем Валерием Галерием, в то время как август западной империи Максимиан избрал себе в цезари Флавия Вале-

---

<sup>5</sup> Беотиец – житель Беотии, области в Средней Греции. По традиции беотийцев считали не слишком умными.

<sup>6</sup> Юпитер – в римской мифологии верховный бог. Соответствует греческому Зевсу.

<sup>7</sup> Геркулес – латинская форма имени Геракла, героя греческой мифологии, сына Зевса. Наделенный необычайной силой, Геракл совершил множество подвигов.

рия Констанция. Цезари – приемные сыновья и зятья августов и потому величаются Божественными. Члены их семей называются нобилиссимами. Адорация, то есть приветственное коленопреклонение, полагается, собственно, только Божественному Императору. Однако он, по своей безграничной снисходительности, позволяет приветствовать так и соправителей, считая их причастными к его божественным деяниям. Но если строго придерживаться высочайшего повеления, то те, кого боги удостоят счастья лицезреть второго августа или цезарей, должны приветствовать их троекратным поклоном, подымая вверх правую руку с вытянутой ладонью. Что касается нобилиссимов...

Что именно касается нобилиссимов, на этом уроке осталось невыясненным.

В класс с громким криком ворвался перепуганный павлин. На хвосте у него повисла белокурая девочка; одной рукой она вцепилась в роскошные павлиньи перья, а в другой у нее был медовый пряник. Золотые сандалийки и ярко-красная оторочка маленькой туники, оставляющей открытыми пухленькие ручки, говорили о том, что ребенок этот – из семьи божественных. Впрочем, павлин, то ли сознавая и собственную божественность, то ли опасаясь за свой хвост, повел себя невиданно храбро и даже дерзко. Он бесцеремонно повалил нобилиссиму наземь, выхватил у нее пряник и удрал. Нобилиссима испуганно завизжала, высоко задирая ножки и размазывая слезы по нарумяненным согласно моде щекам.

Нотарий поспешил к девочке и, совсем забыв о полагающемся нобилиссиме приветствии, попытался поднять ее. Но девочка решительно запротестовала:

– Минина! Минина!

Нонн растерянно потер подбородок. В голове его вихрем пронеслись все параграфы придворного церемониала, но, к величайшему стыду своему, он должен был признать, что творение сие не свободно от пробелов, так как не содержит никаких указаний о том, как нужно обращаться с трехлетней нобилиссимой, которой так срочно понадобилась нянька. Он не нашел другого выхода, как закричать, вторя ребенку:

– Минервина! Минервина!

Из олеандровой аллеи выбежала девушка. Золотой ключ на поясе означал, что она служит при дворе августа Максимиана. Просиявшие юноши встретили стройную румяную девушку покашливанием и шарканьем ног.

– Вот красавица! – щелкнув языком, прошептал грек соседу. – Она достойна баюкать настоящую богиню!

Белокурый фракиец усмехнулся:

– Вероятно, наоборот: бог баюкает няню... конечно, не в колыбели.

– Как это?

– Очень просто. Принцепс Константин. Я не раз видел их вместе.

– Ну так что же? Что тут особенного? Кто не знает, что девчонка – его невеста? Да вообще... они в самом деле женятся то на одной, то на другой, как боги.

– А ты на его месте разве не согласился бы объявить своей невестой девчурку, у которой такая красавица няня? Ставлю два сестерция<sup>8</sup> – сейчас появится сам принцепс.

– Что ж... Видно, отцовская кровь заговорила. Отец его в этом возрасте тоже к смертным снисходил. Первая его жена – из прислуг. Кажется, в Наиссе<sup>9</sup> он приглядел ее. Но потом властелин приказал ему жениться на дочери Максимиана, и он ее прогнал.

Фракиец зашептал чуть слышно:

– Что ты мне рассказываешь! Я ведь сам из Наисса, мы с Еленой Флавией земляки. Она и вправду была служанкой. Мой старик тоже когда-то ее обхаживал.

– Хороша была собой?

---

<sup>8</sup> Сестерций – древнеримская монета, чеканилась с III в. до н. э.

<sup>9</sup> Наисс – город в Верхней Мезии (ныне – г. Ниш в Сербии).

– Да и теперь недурна.

– Она жива?

– Что ей делается! Живет себе в Наиссе. Там ее все называют белой женой. Если б не седина, она и теперь звалась бы по-прежнему – Еленой Прекрасной.

– Чудно как-то: она – белая и муж ее – беловолосый цезарь. Ведь Констанций Хлор тоже седой.

– Они и поседели-то в одну ночь. Когда повелитель приказал им разойтись...

Между шепчущимися появилась лохматая голова Ферокса.

– Не болтайте о таких вещах! Неужто не знаете, почему жене Галерия пришлось разогнать свой двор? Цезарь приказал утопить трех придворных дам, шушукавшихся о том, что им будто бы случилось видеть, как плакала его жена.

– Это совсем другое дело, – отмахнулся Пирарг. – Констанций – белый цезарь, а Галерий – красный.

Но и он почел за лучшее прикусить язык, хотя к разговору их никто не прислушивался. Все следили за отчаянной борьбой бедной Минервины с расхоронившейся девочкой. Капризная нобилиссима каталась по полу. Упустив павлиний хвост, она принялась изо всех сил брыкаться, норовя сбросить с ног золотые сандалийки.

Няня, стоя перед ней на коленях, пыталась успокоить девочку. Потом схватила дрыгающую ногами нобилиссиму в охапку и крикнула, чуть не плача от злости:

– Да замолчишь ты наконец, гадкий лягушонок!

Нонн содрогнулся от явного оскорбления ее величества, да еще в присутствии сорока свидетелей. За словами, видимо, последовало бы оскорбление нобилиссимы действием, если б со стороны олеандровой аллеи не послышался ласковый мужской голос:

– Фаустелла! Что с тобой, милая?

Девочка сразу умолкла и с открытым ртом уставилась на дверь. Вошел высокий, широкоплечий, стройный молодой человек в простой одежде военного трибуна. Только большой медальон императора на золотой цепи говорил о том, что командир этот – из семьи цезаря.

Константин, сын Констанция Хлора и отверженной Елены, отвечал на приветствия дружественными кивками.

– В такую жару лучше всего на Оронте<sup>10</sup>. Отвел бы ты, старая кряква, утят своих на воду, – добродушно сказал он согнувшемуся в три погибели нотарию, ласково глядя на молодую няню, между тем как девочка у нее на руках тянулась к его медальону.

– Возьми меня, возьми! Хочу к тебе!

– Пойдем, милая, пойдем, моя невесточка, – с нежностью сказал он и, беря ребенка на руки, будто нечаянно погладил руку няни.

– К няне это относится или к малютке? – язвительно шепнул грек фракийцу.

Ученики зашумели: на дозорной башне часовой прокричал полдень, и отовсюду послышались шаги. Нонн, однако, снова взобрался на кафедру.

– Мы должны подытожить сегодняшний урок, – вяло протянул он.

Нотарий, конечно, видел, что его никто не слушает, но даже в глазах подростков не хотел казаться нерадивым на службе придворной гармонии, обеспечивающей устойчивость всего мира.

– Итак, у нас четыре властителя, как четыре времени года, четыре стороны или части света, или же солнце, месяц, утренняя и вечерняя звезды, или же четыре божественных коня в квадриге Аполлона<sup>11</sup>. И подобно семи планетам – семь Сиятельств, а именно: первый – стар-

---

<sup>10</sup> Оронт – река, на которой была расположена древняя столица Сирии – Антиохия.

<sup>11</sup> Аполлон – в греческой мифологии бог солнца и света, мудрости, покровитель искусств. Сын Зевса, брат-близнец Артемиды.

ший служитель, то есть страж священной императорской опочивальни, второй – его заместитель, третий – министр внутренних дел, четвертый – управляющий императорским дворцом, пятый – министр финансов и, наконец, два главнокомандующих – пехотой и кавалерией. Все они – члены священного консистория и на белых парадных тогах имеют широкую пурпурную кайму, а на черных башмаках – серебряные пряжки в форме полумесяца. Превосходительства – патриции и правители провинций – носят такие же башмаки, но кайма на их тогах чуть уже. Славнейшими именуют верховных государственных жрецов. Славными – всех сенаторов. Судьи – Опытнейшие, камергеры – Отличнейшие, независимо от того, восседают они в канцелярии или усердствуют по дворцовому хозяйству. И наконец, декурионы в провинциях... С тех пор как на них возложен сбор налогов, декурионов полагается называть Уважаемыми.

Затем Его Разумность – нотариий перечислил важнейшие обращения, подчеркнув, что вообще для желающих преуспевать не так опасно зависить титул на две ступени, как занизить хоть на одну, но самое лучшее в точности соблюдать предусмотренное титулование. Кого полагается называть Ваша Широкость, тот, конечно, не обидится, если его нечаянно назовут Ваша Высокость. Но Его Весомость, несомненно, оскорбится, если назвать его Ваша Легковесность.

– Божественный Диоклетиан покорил все народы мира, однако величайшая историческая заслуга его в том, что он, разработав строгую систему званий и степеней, вывел Римскую империю из вековой путаницы, вызывавшейся отсутствием закрепленных титулов, что, в свою очередь, приводило к неустойчивости авторитетов.

С улицы послышался глухой рев, так что до остальных установленных законом авторитетов дело не дошло. Нонн подумал, что привезли гаврских медведей. Их заказал через особого курьера долженствующий прибыть из Сирмия<sup>12</sup> цезарь Галерий, чтобы показать на них могучую силу своих рук. Отнюдь не отличаясь отвагой, нотариий любил, однако, испытывать острые ощущения, находясь в безопасном месте. Прервав урок, он тотчас направился к выходу, окруженный учениками.

Слух обманул его. Ревели не медведи, а обыкновенный осел. Охранявшие портал воины проснулись и прогнали крестьянина, осмелившегося осквернить своим грязным телом ступени священного дворца. А тот избивал теперь свою ослицу.

– Ах ты, проклятая осквернительница святыни! – кричал крестьянин. – Жрешь мирты Юноны! Тебе и дела нет, что мстить она будет мне! О Луцина! Молю тебя, пошли двойню... но не моей жене, а вот этому чудовищу. Покровительница рожениц! Тебе это ничего не стоит, а мне все-таки прибыль.

Неизвестно, как долго продолжались бы эти благочестивые истязания животного и брань, если бы не корка дыни, угодившая крестьянину прямо в нос. Это ученики, стибрив мешок дынь и поедая их, стали пускать в ход корки.

– Держись, отец! – приметался Пирарг в лохматую голову крестьянина. – Персы наступают!

Бедняк рассвирепел.

– Чтоб вам гарпии<sup>13</sup> глаза выклевали! Бездельники! – вопил он. – Вы хуже исаврийских<sup>14</sup> разбойников!

Последовал новый залп, а в ответ – новая порция отборной брани. Ферокс выхватил у воина копьё и стал метиться в крестьянина. Нонн удержал его:

– Не раздражайте этого скота. Чего доброго, рев его услышат в триклинии<sup>15</sup> августы. Эй ты, свинья, на, получи и убирайся отсюда!

<sup>12</sup> Сирмий – город в Нижней Паннонии. Современное название – Митровица.

<sup>13</sup> Гарпии – в греческой мифологии богини вихря, отвратительные крылатые существа, птицы с женскими головами.

<sup>14</sup> Исаврия – южная область Малой Азии.

<sup>15</sup> Триклиний – столовая древнеримского дома.

Нотарий швырнул крестьянину несколько медных монет. Тот упал на колени и, воздев руки к небу, стал благодарить:

– Да воздаст тебе Плутос тысячекратно!

Но, собрав медяки, запричитал:

– Пять силикв всего-навсего! Да на них пяти вязальных спиц не купишь. У меня пятеро ребятишек, господин. Сжался хоть над ними!

Нонн указал в сторону города, откуда доносился оживленный шум рынка.

– Там, на форуме, вывешены цены. Посмотри, узнаешь, что твои паршивые дыни и того не стоят.

Крестьянин вскочил на ноги и погрозил кулаком в сторону рынка.

– Говоришь, там узнать, да? А где бы узнать, куда исчезли с рынка шерсть, кожа, гвозди и серпы с тех пор, как эти новые правила введены? Кто только их выдумал? Чтоб ему провалиться вместе с ними!

Нонна в пот ударило. Он знал, что Диоклетиан требует неукоснительного соблюдения ценника, хотя в некоторых провинциях он вызвал серьезные волнения. Император повелел продавцов и покупателей, нарушающих таксу, прибивать за уши к столбу объявлений, а недовольных – пороть.

– Кому это ты пожелал провалиться?! – воскликнул нотариус, привстав на цыпочки и схватив крестьянина за плечо. – Властителю? Да?

– Почему я знаю, кто у вас там властитель! – возразил крестьянин, немного присмирив.

– Вот как! Ты не знаешь, кто наш император?

Нонн в бешенстве ударил крестьянина в лицо кулаком.

Тот, взбеленившись, высоко поднял голову и завопил:

– А на что мне знать?! Кормит он меня, что ли? Это я кормлю его вместе с прихлебателями! И ты, видать, из ихнего отродья!

Нонн, в приступе удушья, схватился за горло.

– Бегите скорее на форум за стражей! – закричал он, как только у него отлегло.

Пирарг кинулся было исполнять приказание, но со стороны портика послышался возглас:

– Постой, мальчик, не торопись!

Из-за колонн появились два старика в сопровождении юноши лет семнадцати. Белокурые локоны его ниспадали до плеч, на поясе висел серебряный ключ – эмблема секретаря императорского дворца. На верхней ступени юноша остановился, а старики в черных плащах стали спускаться вниз.

В черных плащах ходили ученые. Один из стариков – курносый, с пепельной бородой и с улыбочивыми темными глазами на морщинистом, напоминающем Сократово<sup>16</sup>, лице, отличался некоторой медлительностью – это был математик Бион. В те времена математиками – как до того грамматиками и философами – называли искателей истины. Среди них попадались ловкие плуты, но встречались и серьезные, подлинно образованные люди, не превозносившиеся над своими согражданами. Бион знал все, что можно почерпнуть из книг, но неутомимо изучал и действительность. Лет за полтораста перед тем, во времена императоров – покровителей философии, его могли бы назначить хранителем императорской библиотеки. Но у Диоклетиана библиотеки не было, и Бион стал придворным астрологом.

Второй, со сверкающими черными глазами на сухом, нервном лице, обрамленном редкой черной бородкой, был ритор Лактанций<sup>17</sup>. Обоих ученых связывала старая, еще школьная

---

<sup>16</sup> Сократ (ок. 470–399 гг. до н. э.) – великий древнегреческий философ, ставший воплощением идеала мудреца.

<sup>17</sup> Лактанций – писатель и мыслитель конца III – начала IV в. и. э. (умер ок. 325 г.), почтительно прозванный в эпоху Возрождения «христианским Цицероном».

дружба: оба учились у Арнобия<sup>18</sup> в Александрии риторике – науке всех наук, овладев которой можно братья за любое дело. Однако в превратностях судьбы пути их скоро разошлись, подобно двум ветвям параболы, чтобы затем встретиться в бесконечности императорского двора.

Первым при дворе императора оказался Бион. Император обратил на него внимание еще во время египетского похода, при осаде Александрии. Неутолимая жажда знаний всегда гнала Биона туда, где был материал для наблюдений; тогда он, объявив себя астрологом, затесался в пеструю толпу, неизбежную спутницу военных лагерей. Осада затягивалась, император стал нервничать. В минуту гнева он поклялся, что, взяв этот неуступчивый город, разрешит солдатам расправляться с жителями, пока колени его коня не окропит кровь. Бион слышал эту страшную клятву и отважился предсказать императору победу: так говорят звезды.

– Хорошо, – сказал император, – я это запомню. А пока будь при мне. Если твое предсказание оправдается, ты останешься при дворе, а коли обманул, взойдешь на костер.

После отчаянного сопротивления Александрия пала. Торжествующий император, сопровождаемый своими полководцами, направился в город. При въезде, у самых ворот, конь его, поскользнувшись в луже крови, пал на ноги. Это была дурная примета. Но тут перед императором появился Бион.

– Государь! – сказал он. – Клятву свою ты исполнил: колени твоего коня в крови. Боги возвещают тебе, что они не хотят гибели Александрии!

В душе у победителя кипели мстительные чувства, надо было дать им выход, предоставив солдатам полную свободу. Но Диоклетиан не решился противиться воле богов. Так Бион спас город, дорогой его сердцу с юных лет. И вместе с тем завоевал доверие Диоклетиана, конечно, лишь в той мере, в какой тот мог доверять кому-либо из смертных. Бион остался при дворе. Император велел предоставить ему комнату рядом со своей спальней, чтобы звездочет был под рукой, если понадобится без промедления узнать, что говорят светила о важных государственных делах. Благоволя к астрологу, Диоклетиан позаботился для него не только о хлебе насущном, но и о духовной пище, издав приказ, запрещающий солдатам сжигать трофейные книги, как это делалось раньше. Отныне предписывалось все книги доставлять математику.

Так в руки Биона неожиданно попал комментарий к произведениям Цицерона, составленный Лактанцием. Бион разузнал, что друг его юности адвокатствует в своем родном городе, африканской Сикке, влача там незавидное существование. Зная, как одарен его друг, Бион добился от императора указания о назначении Лактанция директором столичной школы в Никомидии. Должность эта была почти государственной, но оплачивалась не очень щедро: предполагалось, что основной доход директора школы составят взносы слушателей. Однако количество слушателей год от году шло на убыль. С развитием и укреплением абсолютной императорской власти общественная жизнь замирала, а вместе с ней клонилось к закату и ораторское искусство. Времена горячих публичных дискуссий и зажигательных речей отошли в прошлое. Теперь красноречие требовалось лишь в торжественных случаях – имея задачей восхваление существующих порядков. Но для этого было достаточно одного официально назначенного оратора на каждую из провинций.

Так как профессия Лактанция не приносила ему дополнительных доходов, чувство собственного достоинства возрастало у него гораздо быстрее, чем богатство. На приеме у императора Лактанций был только раз, когда впервые представлялся ему, но придворные считали его очень видной фигурой. Если посвященный во многие государственные дела Бион держался замкнуто, то ритору – с его южным темпераментом – до всего было дело.

Вот и сейчас именно Лактанций остановил Пирарга.

– Что здесь происходит, Нонн? – спросил он нотарию.

<sup>18</sup> Арнобий – известный ритор конца III – начала IV в. и. э. Сначала – язычник, потом – христианин.

Нонн всей душой ненавидел всех, кто был хоть рангом выше, но благоразумная расчетливость заставляла его быть вежливым с теми, кто мог при нужде помочь. Хотя ни ритор, ни звездочет не занимали официальных должностей, они, несомненно, имели доступ к императору. Нонн же и не мечтал о таком счастье, и если сам не мог лицезреть властителя, то старался угодить тем, кто этой чести достаивался.

– Вот этот скот оскорбил Его Величество! – Нотарий с ненавистью указал на крестьянина.

– Ты заблуждаешься, Нонн, – по профессиональной привычке возразил ритор. – Скот может оскорбить только скота, но не его величество.

– Пусть он убирается отсюда, – вмешался математик. – Я вижу, ему уже заплатили.

Но крестьянин, почуввав благоприятный оборот дела, облизал с усов дынный сок и захныкал:

– Заплатили, а сколько я получил-то? Всего-навсего пять жалких силикв! Слезно молю вас, смилуйтесь! Дайте хоть динарий<sup>19</sup>!

Математик, потрогав свой пояс, с улыбкой обратился к Лактанцию:

– Я кошелек дома забыл.

Ритор усмехнулся:

– А у меня его и дома нету. Во всей империи не найти кошелька, который не был бы для меня велик!

– Квинтипор! У тебя есть деньги? – крикнул Бион секретарю.

Юноша, скача через три ступени, сбегал вниз и протянул математику кошелек. Тот, заглянув внутрь, от изумления присвистнул:

– Клянусь Фортуной<sup>20</sup>, это настоящий рог изобилия! У тебя тут мелочь, да и та – золотом, как у императора, мой мальчик!.. Что ж, хоть раз поглядим на счастливого человека!

Он швырнул крестьянину золотую монетку.

– И живо прочь отсюда! Не вздумай благодарить, а то лишишься золотого... и осла заодно!

Крестьянин от удивления разинул рот и пролепетал заикаясь:

– Неужто... золотой?

Бедняге только от стариков довелось слышать, что были когда-то золотые деньги, а видеть он их не видел. В смутные времена, при ежедневном обесценивании денег, каждый, у кого было золото, старался его припрятать. Богачи переплавляли в слитки не только золотые, но и старые серебряные монеты. А потерявшие цену денежные знаки везли целыми мешками на рынок.

– Ты ее понюхай! – засмеялся Бион.

Крестьянин потер монету пальцами: не сотрется ли позолота, как стирается серебро с новых сестерциев. Попробовал и на зуб, потом, довольный, ослабил во весь рот:

– Что вы! Мне без ослицы никак нельзя. Без нее меня и дома не признают. Мы с ней никогда не разлучаемся.

И он потрел животное по холке.

Он сделал было несколько шагов в сторону, но ритор крикнул ему вдогонку:

– Послушай! Ты – не христианин?

Крестьянина этот вопрос явно задел:

– Зачем обижаешь, господин? Нешто я похож на еврея?!

Видимо, чтоб доказать, что он не тот, за кого его принимают, он сплюнул, да вышло не на землю, а на холку ослицы.

---

<sup>19</sup> Динарий (правильнее – денарий) – серебряная монета в Древнем Риме, чеканилась с 269 г. до н. э.

<sup>20</sup> Фортуна – римская богиня счастья, случая, удачи. Изображалась с рогом изобилия, иногда с повязкой на глазах, на шаре или колесе (отсюда выражение – «колесо Фортуны»).

## 2

– В самом деле, Лактанций, с чего это ты вдруг? – спросил Бион, когда крестьянин ушел.  
– О чем ты? А-а... Я спросил этого циклопа<sup>21</sup>, не из омерзительной ли он породы безбожников. Неужели ты не заметил, как он смердит? Только их безносый бог может вынести такое зловонье.

– Безносый?

– Ну да! Он ведь у них бестелесный. Значит, у него и носа нет. Ни глаз, ни ушей, ни рук, ни ног. Словом, ничего, что делает совершенство наших богов в высшей степени очевидным. По-моему, это трудно себе представить, хотя епископ утверждает, что именно бесплотность отличает их бога от наших бессмертных... Кстати, ты незнаком со здешним епископом?

– Нет, – покачал головой Бион. – И не хочу знакомиться.

– Напрасно. Он часто спрашивает о тебе, говорит, что когда-то, еще в Александрии, вы были друзьями. Его Мнестор зовут.

– Клянусь Диоскурами<sup>22</sup>, просто невероятно! У меня на самом деле был друг по имени Мнестор, жрец Сераписа<sup>23</sup>, но это был трезвый, ученый человек. Когда я был последний раз в Египте, мне сказали, что он утонул в Ниле.

– Он остался жив, но от страха у него помутился рассудок. Мнестор уверовал, что именно тогда и снизошло на него просветление. Он утверждает, что уже захлебывался, как вдруг увидел великана с ребенком на плечах, который шел по воде, как по зеленому лугу. Мнестор принял его за Мемнона<sup>24</sup>, сына Эос, и спросил, зачем он сошел с пьедестала. И будто бы тот ответил: «Я Христофор, несу на плечах будущее». Мнестор умолил великана взять на руки и его. Христофор перенес его через реку и опустил на землю в пустыне, как раз в том месте, где обитают эти помраченные умом безбожники. Ты, конечно, слышал о них?

– Те, что питаются одними кореньями, выкапывают их из земли пальцами, а мыться считают великим грехом?

– Они самые. Так вот... твой друг прожил среди них десять лет. А потом антиохийские безбожники пригласили его сюда епископом.

– Будет интересно побеседовать с ним.

– Остерегись, Бион! Окунет он тебя в Оронт, а наши боги не простят этого.

– Не беспокойся, – улыбнулся математик, – я столкнусь с любым богом. А тебе, мой друг, такая опасность в самом деле грозит.

– Почему же?

– Очень уж ты, Лактанций, ополчился на этих, как ты выражаешься, безбожников. Как бы ты и сам не стал ярим христианином!

Кивнув на прощанье Нонну, они, балагурия, пошли вверх по лестнице. А тот не мог сделать и шага, пока ученики не достали ему ремешок для сандалии: старый лопнул, когда нотарию пришлось встать на цыпочки, чтоб оградить авторитет его величества.

Два ученых беседовали, как это было принято, то и дело останавливаясь и не обращая внимания на то, что делается вокруг.

– Ты окончил свою речь? – спросил математик ритора.

---

<sup>21</sup> Циклопы (киклопы) – в греческой мифологии одноглазые великаны.

<sup>22</sup> Диоскуры – в греческой мифологии героини-близнецы (смертный Кастор и бессмертный Полидевкт), совершившие ряд подвигов.

<sup>23</sup> Серапис – божество в эллинистическом Египте, культ которого был введен в IV в. до н. э. Египтяне отождествляли Сераписа с богом Осирисом, греки – с Зевсом.

<sup>24</sup> Мемнон – в греческой мифологии царь Эфиопии, сын Эос и брата Приама Тифона.

– Три раза переписал, собираюсь переделывать заново. И зачем только поручили мне приветствовать августов? По- моему, это прямая обязанность наместника или, на худой конец, кого-нибудь из консуляров.

– Не скромничай, Лактанций! Всем известно твое искусство. Оно – образец для грядущих поколений!

– Нет, Бион! Дело совсем не в этом. Я неплохой оратор, когда могу сам избрать тему. Но сейчас я должен говорить не о том, какую надгробную речь произнес бы Александр Великий на похоронах Дария или какими словами Тит воодушевил бы легионы на штурм иудейской столицы, а о событиях современности. Это не искусство! Во всяком случае, задача не по мне и не для моего таланта!

– В этом отношении я за тебя спокоен, Лактанций: тебе и придется говорить не о том, что есть, а о том, что могло бы быть.

Ритор нервно теребил кончик бородки.

– Верно. Но я слышал, что в Медиолане<sup>25</sup>, на торжествах по поводу разгрома нашим Максимианом восстания галльских крестьян, когда оратор сравнил победителя с Ганнибалом<sup>26</sup>, божественный триумфатор спросил: «А кто такой Ганнибал?»

– Не беда, – пожал математик плечами. – Пусть тебя не тревожат подобные факты. Максимиан достаточно образован, чтобы задать такой вопрос лишь своему старшему внуку вечером, после празднества. Я уверен, что он не перебивал оратора, а внимательно выслушал речь до конца и, конечно, как полагается, наградил его золотой цепью.

На верхней ступени ритор вдруг схватился за голову.

– Зачем я поднимался! Ведь мне с тобой не по пути.

– Пойдем ко мне, Лактанций! У меня сегодня обед не менее роскошный, чем у самого властителя: сыр с оливками. Разница лишь в том, что, когда я выплевываю косточки, никто не подставляет мне золотого блюда. Пойдем?

– Не могу. Я приглашен в другое место.

– Почему же ты смутился? Клянусь головой императора, у тебя водятся какие-то тайны!

– Ты будешь надо мной смеяться, – обернулся к нему ритор. – Меня позвал обедать Мнестор. Знаешь, я наругаюсь с ним вдоволь и после этого чувствую себя как-то бодрее.

Бион заметил, что юноша, отстав от них, стоит посреди лестницы, спиной ко двору.

– Квинтипор! Неужели я обрезал тебе пуповину для того, чтобы ты совсем меня оставил?!

Юноша весело взбежал наверх.

– Знаешь, Бион: с тех пор как я сделался важной особой, я чувствую себя не в своей тарелке.

Квинтипор с ребяческой важностью погладил серебряный ключ на своем поясе.

Математик взял юношу под руку.

– Тогда пообедай со мной сегодня. Знаешь, мой мальчик, с того времени, как мы стали обедать порознь, у меня пропал аппетит. За два года я привык к тебе, как к своему зубу с дуплом. С ним тоже пришлось в свое время помучиться, а теперь я бы огорчился, не нащупав его языком.

– Значит, я тоже мучил тебя? – насупившись, спросил юноша. – Зачем ты говоришь так? Почему никогда не давал мне почувствовать, что я чем-то огорчаю тебя?

– Собственно, огорчался я только вначале, точнее говоря, боялся, когда император поручил мне твое воспитание. Помню, Диоклетиан как-то спросил, умею ли я укрощать медведей.

---

<sup>25</sup> Медиолан – современный Милан.

<sup>26</sup> Ганнибал (247 или 246–183 гг. до и. э.) – знаменитый карфагенский полководец. В ходе 2-й Пунической войны одержал ряд побед над римлянами, в том числе – при Каннах в 216 г.

Я оторопел: чем только за свою жизнь не занимался, а вот с медведями дела не имел. Ты и сам, наверно, помнишь, что укусил меня, когда я приехал за тобой в деревню. Твой отец хотел привязать тебя веревкой к мулу. Ты мне показался тогда маленьким злым зверьком, Квинтипор.

– Нет, Бион, тогда я уже не был ребенком. Я очень разозлился на отца за то, что он продал меня в рабство.

– Но кому продал, мой мальчик! Самому императору! Старик Квинт знал, что делает. В молодости он отдал за жизнь императора один глаз, а в старости поручил его заботам оставшийся. Мне кажется, мой мальчик, у тебя нет причин жаловаться на судьбу. Я должен бы обращаться к тебе в соответствии с титулом, но, откровенно говоря, не знаю, как он звучит.

Квинтипор гордо выпрямился:

– Магистр священной памяти!

– Вот как! Клянусь Зевсом, немногим удавалось достичь таких высоких степеней в восемнадцать лет! Значит, император свою память хранит у тебя! Хорошо еще, что вас целых сто сорок два магистра и на каждого в конечном счете приходится не так уж много.

Они вошли в колонный зал перед покоями императора. Квинтипор остановился.

– Скажи, Бион, что за человек император? Не для того же он свел меня с тобой, чтоб навсегда разлучить?

Математик, потупившись, забормотал себе в бороду:

– Отныне мы не принадлежим сами себе. Запомни: император – не человек, а бог. Для тебя он был добрым богом... Разлучит ли он нас? Откуда мне знать, мой мальчик? Ты – его раб, и он вправе поступить с тобой как пожелает. Разгневаешь – прикажет распилить пополам, а захочет – назначит правителем Далматин. Я не думаю, чтобы относительно тебя у него были недобрые замыслы. По крайней мере, все, что он делал до сих пор, говорит о другом. Вот он набил твои карманы золотом, а это совсем не в его обычаях. При виде твоего кошелька у ритора прямо глаза на лоб полезли.

Бион усмехнулся. Юноша робко заглянул ему в глаза:

– Ты не мог бы узнать о моей судьбе по звездам?

Математик нахмурил брови.

– Если б у меня был сын, я, Квинтипор, ни за что не стал бы исследовать положение его звезды. Вообще никогда не стал бы заглядывать в будущее тех, кого люблю. А ты – единственный, к кому я питаю это чувство.

Юноша бросился старику на шею:

– Я не хочу расставаться с тобой! Я тоже во всем мире не люблю никого, кроме тебя.

– А мать? Отец?

– Я лишний там, Бион. Они продали меня в рабство.

Математик слегка дернул юношу за ухо.

– Эх, магистр, как ты зелен еще, совсем ребенок! Что ж, по-твоему, лучше землю в огороде копать, чем расхаживать в такой роскошной одежде... Скажи, а старик Квинт считает тебя важной особой?

– Как же! Придворным мухоловом зовет, – усмехнулся Квинтипор. – Сегодня утром заставил грядки поливать.

– Видишь, значит, он не совсем от тебя отказался. А матушка Саприция?

Юноша покраснел.

– Представь себе, зашила в мою одежду какую-то траву, чудачка такая... от сглаза, говорит. От кого она оберегает меня здесь?

Математик похлопал юношу по спине и, подталкивая его к двери, сказал:

– Хорошо, что Саприция не знает, что произошло в Коринфе и в Афинах. Правда?

Квинтипор протянул руки к яркому солнечному свету:

– Ах, Бион! Как это прекрасно – жить!

Бион, остановившись на пороге, минуту серьезно смотрел прямо перед собой. Потом улыбнулся. Мудрой улыбкой старого ученого, любящего жизнь без упоения и без тревоги.

## 3

В Антиохии, ожидавшей четырех властителей мира на совещание имперского тайного совета, должны были встретиться не только государи, но и их семьи. Правда, все четыре семьи составляли, по существу, одну – семью императора. Так же как и вся тетрархическая система правления была лишь учетверением одной воли – воли Диоклетиана.

За сто лет, предшествовавших его правлению, в Римском государстве сменилось тридцать три императора, и тридцать из них заплатили за императорскую багряницу багрянцем крови, часто не только своей, но и всего потомства. Тот, кто облачался в порфиру, тем самым вступал под сень неотвратимой и скорой смерти. Если восточные легионы провозглашали своего полководца императором, – западные немедленно выдвигали своего. Против того, кто поднял на щит придунайскими солдатами, восставали африканские солдаты. А римский сенат покорно пресмыкался перед каждым, наступившим ему на горло. С тех пор как преторианская гвардия отняла у сената право пожалования императорской порфирой, сенату стало безразлично, кто выдвигает императора: римский ли гарнизон или легионы, укомплектованные варварами. Да и сама гвардия разжирела, размякла, состарилась и повела гражданский образ жизни. Для гвардии на императорском престоле был приемлем любой, лишь бы он хорошо платил, одевал, предоставлял даровой хлеб и зрелища, а в день своего рождения щедро раздавал подарки. Разумеется, больше всего гвардию обрадовало бы, если бы бог послал императора, который справлял бы свои именины несколько раз в году. Но она была благодарна небесам и за то, что имела: почти каждые три месяца новый император не жалел ни денег – на форуме, ни крови – на арене.

Далеко было от границ империи до Рима, и не каждому императору удавалось вступить с триумфом в столицу мира. Этому могли помешать не только войска соперников, но и собственные легионы. Солдаты, поднявшие на щит нового императора, могли похоронить его под щитами через три месяца, через три недели, а то и через три дня, смотря по тому, когда объявится другой полководец, – может быть, один из ближайших друзей императора, готовый заплатить солдатам побольше или выдать им обувь подорожнее. А иной раз и этого не требовалось. Было совершенно достаточно, если подкупленные гарусники и авгуры, всегда находившиеся при армии, получали от богов дурное предзнаменование. Императора могли низложить из-за того, что священные куры не очень охотно клевали насыпанные для них зерна. И если какой-нибудь пустомеля центурион<sup>27</sup> за завтраком рассказывал, будто ему ночью приснилось, что с древков боевых знамен снялись и улетели вдаль бронзовые орлы, то вечером с кровью заката могла смешаться и кровь императора. Можно всячески ублажать солдат, но невозможно предугадать все их капризы. Наемники из варваров сделались хозяевами своих нанимателей и представляли для государства более непосредственную опасность, чем их соплеменники, вожделенно подстерегавшие удобный момент на границах империи.

Римское государство уже страдало всеми недугами, связанными со старческим одряхлением, но наибольшим злом являлась все же неустойчивость власти. Стать владыкой мира было не так трудно, но усидеть на троне из всех императоров-авантюристов сумел только Диоклетиан. И потому медальеры могли без лести называть его Восстановителем мира. Укрепляя собственную власть, он действительно восстановил империю.

Отпрыску далматинского раба было уже за сорок, когда он, по трупам двух истекших кровью претендентов на порфиру, по милости мятежных солдат взшел на трон. Вместе с порфирой он присвоил себе и титул Юпитерственный, возможно, чтобы завуалировать свое происхождение. Мир вскоре убедился, что новый император вполне достоин такого прозвища.

<sup>27</sup> Центурион – командир подразделения (центурии, манипулы) древнеримского легиона.

Воспитанный суровой военной жизнью, полководец, с более чем сомнительной родовитостью, доказал на деле, что он – нечто большее, чем только баловень судьбы. Казалось вполне вероятным, что отец богов в самом деле поделился с ним опытом управления миром. Во всяком случае, подвластные императору народы, испытавшие на себе произвол стольких безумцев, готовы были признать богом человека, принесшего им мир и спокойствие. А между тем это был всего лишь мудрый крестьянин, одновременно грубый и сдержанный, с трезвым умом и честными намерениями, который сумел навести порядок в одичавшем поместье, что распростерлось от Темзы до Евфрата, от богатого янтарем Северного моря до богатого жемчугом Красного.

Диоклетиан начал с того, что избрал своей столицей Никомидию – провинциальный городок на границе Европы и Азии, где некогда завершил свой жизненный путь скрывавшийся от преследований Еаннибал. В Риме ноги Диоклетиана не было. По слухам, он не явился туда, опасаясь спесивых патрициев и дерзких плебеев, которые испещрят его статуи язвительными эпиграммами, узнав, что рука божественного императора, так успешно владевшая мечом, еле справляется с каламом. К тому же, кое-кто из римлян еще помнил, что на Виа Номентана жил сенатор Анулий, у которого отец императора, не получившего филологического образования, вел литературную работу... Правда, лишь в качестве безымянного переписчика, только номером отличавшегося от остальных невольников. Так или иначе, император ограничился кратким посланием, в котором известил сенат о своем восшествии на престол, не запрашивая на то никаких санкций. А когда сенатская делегация, прибывшая к нему с поздравлениями, намекнула на то, что священный город жаждет увидеть своего императора, Диоклетиан коротко объяснил, что он глава не только города Рима, но и всей империи.

Рим почувствовал унижение, какого не испытывал, даже когда на формуле горели костры галлов. И если бы в Вечном городе нашлись достойные мужи, они непременно повергли бы в прах статуи этого сына раба. Но таких не нашлось. Рим опасливо побрюзжал и стал уповать на то, что легионы не будут мешкать с выдвиганием нового императора, который полностью удовлетворит столицу мира.

Надежды эти не оправдались. Диоклетиан не стал слугой легионов, сделавших его властителем. А с претендентами на трон он расправлялся, не дожидаясь их провозглашения.

Император знал, что из полководцев ему следует больше всего опасаться своего земляка, илирийца Максимиана, выдвинутого, как и он, из самых низов. Это был талантливый полководец, бесстрашный воин, но человек тщеславный и ограниченный. Как противник он был опасен, как друг – мог быть полезен. И новый император сказал ему:

– Римская империя так обширна, что одному государю не управиться, и так больна, что одному врачу ее не исцелить. Нужен помощник, такой же умелый, как и я. Ты – единственный, с кем я могу разделить тяготы и славу моей порфиры. Надень плащ августи западной империи и отправляйся укрощать взбунтовавшихся галлов. Да поведут тебя боги в одеянии, которое даю тебе я, и да приведут обратно со славой, которую ты обретешь сам.

Максимиан с величайшей радостью преклонил колена перед императором и отдал приказ о выступлении в поход против восставших галльских крестьян. Он был слишком счастлив и не мог сообразить, что, направляя по воле Диоклетиана свои войска на подавление одного восстания, он уводит их от другого, вполне вероятного.

Одержав победу, Максимиан рассчитывал на восторженные овации Рима, но благодарность императора превзошла все его ожидания. Диоклетиан сказал:

– Если я сын Юпитера, то отныне ты – сын Геркулеса. Пусть осветят на алтарях твое имя всюду, где поклоняются твоему божественному предку.

Диоклетиан рассудил, что лишний бог для него менее опасен, чем опирающийся на победоносную армию талантливый полководец. Силу его необходимо обезвредить прежде, чем он попытается ее умножить.

– Парфяне<sup>28</sup> наводнили Месопотамию, персы захватили Армению, орды блеммиев<sup>29</sup> угрожают Египту. Я понимаю, что сейчас не могу на тебя рассчитывать, – ведь и в твоих землях неспокойно. Берега Океана опустошают британские пираты, в Испании бесчинствуют племена горцев, и теперь, когда готы подмяли под себя бургундов, вандалов и гепидов<sup>30</sup>, их копыта направлены на тебя. Поразмысли, быть может, нам с тобой нужны молодые помощники, чтобы работать мечом в четыре руки?

Но размышлять – не было призванием второго августа, а думать над тем, чего хочет первый, он счел просто неуместным. Диоклетиан взял себе в помощники Галерия, а второй август – Констанция. Каждому из этих молодых полководцев был присвоен титул цезаря, означавший, хоть и не совсем официально, что-то вроде наследника. Каждый цезарь получил в управление четвертую часть империи. И чтобы к преданности их обязывало не только их официальное, но и семейное положение, каждый из августов усыновил избранного им цезаря и женил его на своей дочери.

Столь искусно сплетенная система тетрархии обеспечивала господство Диоклетиана и вместе с тем мир внутри империи.

Кто, против кого и с какой целью мог бы восстать в таких условиях? Восстание не могло иметь смысла. Четыре обнаженных меча всегда поддерживали (но, правда, и контролировали) друг друга. В первое время возникали известные трения, но Диоклетиан каждый раз умел предотвращать конфликт.

Максимиан хотел управлять своими странами – Италией, Ретией и Нориком<sup>31</sup> – из Рима, Диоклетиан же опасался, как бы оскорбленные патриции и преторианцы, сыграв на честолюбии этого недалёковидного человека, не толкнули его на какое-нибудь безрассудство. И он назначил для Максимиана столицей город Медиолан, втолковав своему соправителю, что с альпийских предгорий сподручней присматривать за северными варварами. Тогда Максимиан захотел поселить в Риме хоть своего подрастающего сына Максентия и уже отстроил для него дворец и виллу в Байях<sup>32</sup>. Но и в этом Диоклетиан усмотрел определенную опасность и потому удостоил второго августа, а также цезаря Констанция величайшей чести, решив содержать их сыновей при своем дворе, чтобы лично наблюдать за их воспитанием. Правда, положение Максентия и Константина здесь сильно смахивало на положение заложников, однако Максимиан увидел в этом решении лишь большую для себя честь и новое доказательство дружеского расположения к нему императора. Западный август вел весьма непринужденный образ жизни и потому не особенно огорчился, что остроглазый сын перестанет стеснять его своим присутствием. Цезарю Констанцию расстаться с сыном было значительно труднее, однако и он почувствовал известное облегчение при мысли, что вылитый портрет первой, отвергнутой жены не будет мозолить глаза второй.

Диоклетиан еще во время персидской войны заметил, что и между двумя цезарями возникают трения. Незадолго до битвы при Каррах<sup>33</sup> цезари потолковали между собой накоротке, по-солдатски, и с той поры Галерий стал недолюбливать западного цезаря, хоть открыто этого и не показывал. Диоклетиан долго не обращал внимания на ядовитые реплики Галерия по адресу Констанция, но один случай заставил его серьезно задуматься. Галерий насплетничал ему, что Констанций не умеет поддерживать свой авторитет: вместо того чтобы в общении с вождями

---

<sup>28</sup> Парфяне – иранские племена. Парфянское царство до III в. н. э. являлось главным соперником Рима на Востоке.

<sup>29</sup> Блеммии – ливийские племена, жившие по соседству с Египтом.

<sup>30</sup> Готы, бургунды, вандалы, гепиды – германские племена, в III в. и. э. постоянно нападавшие на территорию империи.

<sup>31</sup> Ретия и Норик – римские провинции, занимавшие территории современной Южной Германии, Австрии и Северной Италии.

<sup>32</sup> Байи – известный курорт в Кампании, славившийся своими увеселениями.

<sup>33</sup> Карры – город в Месопотамии, возле которого персы в 296 г. и. э. одержали победу над римлянами.

покоренных племен неизменно подчеркивать свое превосходство, он держится с ними запанибрата. Охотится без свиты в их компании и даже чокается деревянным кубком.

– Простого солдатского достоинства и того нет, – жаловался Галерий. – Он унижает не только себя, но и всю империю.

От природы мягкий и простой в обращении, император, как властелин, пролил немало крови и перед смертными появлялся всегда осыпанный с головы до ног драгоценными камнями и жемчугом. Владычество его было тиранией намеренной – отнюдь не стихийной, а хладнокровно продуманной и рассчитанной, не игрой прихоти, а преследующей благие цели системой. Своих подданных он не мог считать римскими гражданами, видя в них только опустившихся вероломных, давно потерявших чувство собственного достоинства рабов. Император был неколебимо убежден, что он может спасти империю лишь в том случае, если ему удастся превратить людей, уже не способных стать свободными, в образцовых рабов. Поэтому вся его система правления была, в сущности, огромной школой для воспитания рабов, где преподавалась только покорность единой божественной воле, сверкающей и разящей, подобно молнии.

Поэтому так изумили Диоклетиана методы правления западного цезаря, и он написал ему строгое предупреждение:

«Мы облачили тебя в порфиру, надеясь, что ты будешь носить ее с достоинством. Но, к величайшему нашему сожалению, мы узнали, что ты еще не научился властвовать, так как не умеешь показываться перед своими подданными во всем блеске принадлежащего тебе сана. А ведь смертные сами жаждут, чтоб боги ослепляли их своим сиянием. Кто стал бы поклоняться Юпитеру, если б он ходил среди смертных в бахилах, а Ганимед<sup>34</sup> наливал бы ему напиток бессмертия в деревянную чашу?»

Цезарь скромно ответил, что милостью и волею августов он оказался среди варваров, вырезающих Юпитера из дерева.

«Да, но они надевают ему на шею золотой обруч, – писал в ответном письме император. – Не забывай, что большую часть молодости мы тоже провели среди варваров и знаем, что бедность и в их глазах унижительна и презренна. Это, пожалуй, единственное, в чем взгляды варваров совершенно совпадают со взглядами цивилизованных народов. Мы надеемся, что ты все-таки сумеешь разбогатеть и последуешь примеру цезаря Галерия, который покоряет не только силой, но и блеском. Когда карпы увидели его во главе боевых порядков в золотом панцире, на покрытом порфировой попоной коне, они побросали оружие, решив, что не будут сражаться с богом».

Тут Констанцию стало ясно, что к этой истории причастен Галерий. Но из уважения к императору он в ответном письме своем даже не намекнул на это, а лишь покорно обещал исправиться. Когда через год Констанций успешно отбил натиск пиктов и шотландов на самых северных границах империи, он получил уведомление, что в скором времени его посетит Галерий. Он поспешил к себе в столицу – Августу Треверов<sup>35</sup>, совсем недавно, во время великих смут, разрушенную германцами. Констанций в самом начале своего правления восстановил из руин этот город. Были уже отстроены базилики, цирк, форум, бани, и вожди местных племен подумали, что восточный цезарь приезжает на освящение города. Обычно бледный, Констанций, с побагровевшим от гнева лицом, быстро охладил их воодушевление.

– Галерий хочет узнать, научился ли я властвовать и достаточно ли разбогател за ваш счет.

---

<sup>34</sup> Ганимед – в греческой мифологии мальчик необычайной красоты. Был похищен Зевсом и унесен на Олимп, где исполнял обязанности виночерпия.

<sup>35</sup> Августа Треверов – современный г. Трир.

С привычной для него прямоотой он рассказал своим друзьям-варварам о предыстории этого посещения. В результате все золотые и серебряные украшения, какие только можно было обнаружить между Рейном и Секваной<sup>36</sup>, оказались во дворце Констанция: варварская знать с величайшим рвением принесла все это своему повелителю. Галерий прибыл с необычайной пышностью, но увиденное так потрясло его, что он еле произнес приветственную речь. Констанций принял Галерия под порфировым балдахином в сверкании жемчугов и драгоценных камней. За столом, накрытым золотой посудой на триста человек, варвары с достоинством родовитых патрициев провозгласили здравицу в честь Рима. Диоклетиан получил одновременно письмо Констанция и донесение Галерия.

«Итак, цезарь Констанций научился наконец властвовать, – писал Галерий. И чтоб не притупилась бдительность императора, добавил: – Разбогател он до устрашающих размеров».

Констанций написал императору откровенно все, как было. Письмо его кончалось так:

«Этой дерзкой симуляцией, о божественный наш повелитель, я вовсе не хотел обмануть твоего посла, а желал только убедить тебя, что преданность моих подданных умножает мощь твоей империи значительно больше, чем это могло бы сделать мое богатство. Ныне дворец мой снова беден и пуст, и я опять утоляю жажду из походного деревянного кубка. Но как только твоя божественность и интересы империи этого потребуют, Галлия и Британия добровольно отдадут тебе свои сокровища».

Диоклетиан мыслил достаточно трезво, чтоб больше не противиться методам Констанция. Долго после этого между четырьмя властителями царило согласие. Может быть, этому содействовало то обстоятельство, что они довольно редко встречались. Их столицы разделяли огромные расстояния, а надолго оставлять своих подданных без надзора они не могли. К тому же, все они были настоящими солдатами, и среди нелегких забот по управлению народами им некогда было скучать друг о друге. Но теперь, на восемнадцатом году своего правления, Диоклетиан почувствовал необходимость личной встречи и назначил эту встречу в Антиохии. Столичный дворец в Никомидии он счел для такой цели слишком тесным, а колоссальный дворец в Салоне<sup>37</sup> только строился.

Жену свою Ириску Диоклетиан послал в Антиохию уж несколько месяцев тому назад, вместе с Максентием, Константином и частью своего двора. Он хотел предоставить жене возможность подольше побыть с дочерью Валерией, которую сам недолюбливал – в свое время она пошла замуж за Галерия не без ропота. Диоклетиан не терпел возражений, тем более со стороны дочери. Валерия приехала в Антиохию с падчерицей Максимиллой, а жена Констанция Теодора, отправившись с берегов Океана, заехала в Медиолан и привезла с собой сводную сестру свою, маленькую Фаусту, незадолго перед тем осиротевшую. Смерть ее матери недолго печалила Максимиана: уже четвертая жена его приобщалась таким способом к сонму бессмертных.

Первым из четырех властителей прибыл Констанций, столица которого находилась дальше всех. Корабль его, проделав огромный путь, пристал наконец в Селевкии – ближайшем к Антиохии порту. Одетый в скромную белую тогу и сопровождаемый небольшой свитой, сошел цезарь на берег. Он был доволен тем, что сын его Константин еще с вечера прискакал сюда верхом вместе со своим оруженосцем Минервинием, чтобы его встретить.

– Как ты вырос! – воскликнул цезарь, обнимая сына. – Выше меня... И румяный какой!.. Совсем как... ну, словом, ты не в меня.

Цезарь хотел сказать, что сын его – вылитая мать, но сдержался, не желая растревлять старую рану, в надежде, что и сын поступит так же. Константин был еще малюткой, когда его

---

<sup>36</sup> Секвана – река, современное название – Сена.

<sup>37</sup> Салона – город в Далмации, родина Диоклетиана.

разлучили с матерью, и придворная жизнь могла бесследно стереть воспоминания, непрочные, как пыльца на крыльях бабочки.

Пока сводили коней на берег, отца с сыном окружила толпа: грузчики, водоносы, торговцы рыбой, портовая прислуга. Среди них было много христиан. Кто-то узнал принцепса, который, по слухам, неплохо относился к верующим в единого бога. Зная, что в Антиохии назначена встреча государей, они узнали цезаря по сходству с сыном.

– Поедем полями, – предложил принцепс. – Там больше пыли, зато не будет зевак.

Они двинулись по проселочной дороге между нивами, на которых ветер колыхал высокую стерню. Ехали рядом; цезарь то и дело наклонялся к сыну, чтоб потрепать его по щеке или ласково погладить руку.

– Как относится к тебе повелитель?.. Августа? Какое прозвище дали тебе солдаты? Закрылась ли рана, которую ты получил в Дакии<sup>38</sup>? Что это у тебя на бедре? Ага, это след медвежьих лап. Почему ты не написал мне об этом?!

Константин рассказал неохотно: когда он был в гостях у Галерия, тот зачем-то послал его в сад, и там на него напали два медведя. Рабов, забывших запереть клетки, цезарь отдал на растерзание зверям... хотя все обошлось благополучно. Медведя, который вцепился в бедро, Константин заколол кинжалом, а другого задушил.

– А как он натравил на тебя сарматских гладиаторов? – потемнев лицом, спросил цезарь. – Об этом я узнал тоже не от тебя!

– Все это уже прошлое, – ответил принцепс, пожав плечами. – Быть может, тут не было злого умысла. Зачем Галерию посягать на мою жизнь?

Цезарь стал расспрашивать о придворной жизни.

Коротко, неторопливо отвечал Константин на вопросы отца. И вдруг спросил:

– Скажи, как поживает мать?

Рука цезаря медленно соскользнула с плеча сына.

– Ты должен знать это лучше меня. Уже шесть недель, как она здесь. Ты навещаешь ее?

– Я спрашиваю не о твоей жене... а о своей матери. Супруге твоей я каждый день лично выражаю свое почтение. Она добрая женщина... и очень любит тебя. И мать она хорошая, любит своих детей. Но я ей не сын... и хочу знать, как живет моя мать... изгнанница.

Цезарь долго молчал. Потом заговорил столь же спокойно, сколь нетерпеливо требовал от него ответа сын:

– Она в Наиссе...

– Ты говорил с ней? Помнит она меня? Каждый раз, когда я засыпаю, мне кажется, будто она гладит меня... А по утрам чудится ее ласковый голос... Спрашивала она тебя обо мне, отец?

– Я не говорил с ней. Ведь мы плыли на корабле. Заходили в Фессалонику<sup>39</sup>, и наисский пресвитер привез мне туда ее письмо.

– Не обижают ее там?

– Кто может обидеть ее? Христианский бог наделил ее великой силой. По словам пресвитера, она воскрешает мертвых.

– Что она пишет, отец? Я не знаю даже ее почерка.

Цезарь потупился.

– Я сжег письмо... Она просила об этом.

– Обо мне было хоть что-нибудь в этом письме?

– Она просила передать тебе, что скоро... навестит тебя в Антиохии. Ты с ней уже встречался?

---

<sup>38</sup> Дакия – римская провинция, занимавшая часть территории современной Румынии.

<sup>39</sup> Фессалоника (современные Салоники) – город в Греции.

– Только во сне, отец.

– Я спросил потому, что, как я убедился, она знает о тебе гораздо больше, чем я. Ты сказал, что не знаешь даже ее почерка? Может быть, устно вы все же передаете известия друг другу? У тебя есть друзья среди христиан?

Принцепс медлил с ответом. Долго и сосредоточенно смотрел он на холку своего коня.

– Можешь говорить откровенно. При моем дворе есть христиане. У меня и префект – христианин. Мне нравятся его рассказы о их боге. Видимо, это очень могущественный бог и, кажется, не злой. Я, может быть, прикажу поставить его статую в своей капелле – пусть стоит там вместе с другими.

Принцепс покраснел.

– Девушка, которую я люблю, тоже поклоняется этому богу.

– Неужели? – удивился цезарь. – А я думал, что Фауста – еще ребенок!

– Я говорю не о ней... Я люблю ее няню.

– Но ты так молод, – рассмеялся цезарь. – В твои годы это совсем не удивительно. Вот у старика Максимиана седая борода, и каждую неделю – новая наложница.

Юноша в упор посмотрел на отца.

– Ты меня не понял, отец. У меня нет наложницы, у меня невеста.

– По воле императора твоя невеста – Фауста.

– По моей воле моя невеста – Минервина.

– Рабыня?

– Когда она родилась, мать ее была уже свободна. Отец Минервины – солдат. Он едет сейчас позади. Его имя Минервиний, он очень предан мне... И тоже христианин.

– Он твой слуга. Тем легче заполучить его дочь.

– Я повторяю, отец: она христианка и может быть мне только женой.

Помолчав, принцепс добавил решительно:

– Я женюсь на ней... как ты женился на моей матери.

Долго ехали молча. Цезарь заговорил, только когда проселок вывел их на широкую, мощенную камнем дорогу, идущую по берегу Оронта прямо в город. Купающихся было немного, но заросшие лозняком берега реки и усеянные цветами овраги оглашались верещанием свирелей и визгом кружащихся в неистовой пляске обнаженных людей. Справлялся великий праздник богини Майумы<sup>40</sup>, в честь которой для благочестивых гетер<sup>41</sup> ночная жизнь наступила с утра.

– Тогда я был всего-навсего безвестным центурионом, – тихо промолвил отец. – Никому до меня не было дела, и я никому не был обязан отчетом. А ты – принцепс, которого император назначил женихом Фаусты, как только она появилась на свет. Твоя мачеха рассказывала мне, что по приказу Максимиана в столовой его аквилейского дворца уже написана фреска о вашей помолвке. Ты изображен там коленапреклоненным перед сидящей на руках у императора девочкой, которая протягивает тебе украшенный павлиньими перьями золотой шлем. Стоит ли рисковать таким будущим из-за... красивых губ?

Он хотел сказать: «Из-за какой-то няньки», – но побоялся, что услышит в ответ: «Моя мать, когда ты женился на ней, была служанкой в таверне».

Констанций снял свою дорожную войлочную, с узкими полями шляпу, встряхнул упавшими на глаза белоснежными волосами и спросил, указывая на седину:

– Может быть, ты хочешь вот этого?

Глаза принцепса наполнились слезами.

---

<sup>40</sup> Майума – сирийская богиня. Праздники в ее честь отличались разнузданностью.

<sup>41</sup> Гетера – в Древней Греции образованная незамужняя женщина, ведущая свободный образ жизни. Позднее гетерами называли женщин легкого поведения.

– Этого ты, отец, хочешь для меня.

Вдруг перед ними засверкал золотой купол возвышающегося на холме пантеона. Цезарь прикрыл глаза рукой.

– Нет, мой сын, я не намерен мешать твоему счастью. Да возместят тебе боги то, чего лишили меня.

Принцепс наклонился было к отцу, чтобы обнять его, но они уже подъезжали к юго-восточным воротам города, и Константин обнял отца только взглядом огромных лучистых голубых глаз.

– Спасибо, господин мой. Ничто другое меня не заботит.

– Зато другой позаботится о тебе, – горько вздохнул Констанций. – Император упрям и беспощадно ломает все, что противится его воле... Кстати, как он к тебе относится?

– До сих пор я во всем был покорен ему.

– Твоя любовь может стоить тебе жизни.

– Наверно, отец... если я отрекусь от нее.

– Он лишит тебя любимой девушки, он ее умертвит.

Лицо принцепса озарилось.

– Моя мать вернет ей жизнь! Ты сам говоришь, что она может воскрешать мертвых. Но боги будут к нам милостивы. Знаешь что? Пусть мать, когда приедет сюда, возьмет потом Минервину с собой в Нанес. Император не узнает об этом.

– А Фауста?

– О-о, отец, она еще долго будет забавляться куклами. И кто знает, как решит Тиха, когда она подрастет.

– Тиха? – удивленно переспросил цезарь. – Ты тоже считаешь слепую богиню судьбы? Перед отъездом сюда я распорядился чеканить ее изображение на всех новых монетах.

Константин расстегнул воротник.

– Смотри, отец. – Он показал свой талисман на тонкой золотой цепочке.

Это была крошечная золотая статуэтка крылатой Тихи, богини судьбы.

Объехав пантеон, в безмолвной тишине которого белели статуи Юноны, Юпитера и Минервы<sup>42</sup>, они повернули на улицу Сингон. Возле скромной базилики стояла большая толпа людей в черном. Когда отец с сыном подъехали, они, обнажившись до пояса, выстроились по двое, запели какую-то очень печальную песню и медленно пошли вокруг базилики, хлеща себя бичом по голой спине.

– Жрецы Исиды<sup>43</sup>? – спросил цезарь.

– Не знаю, – ответил принцепс.

– Конечно, они. Правда, я их еще не видел, но слышал, что они добиваются благосклонности Исиды самобичеванием. Давай подождем, пока они доведут себя до исступления.

Остановив коней, оба с интересом принялись наблюдать процессию. Подъехала свита. Минервиний спешился и стал на колени.

– Кого ты приветствуешь? – спросил принцепс.

– Угодников божиих, – сказал Минервиний и, перекрестившись, низко поклонился процессии.

– Христиане? – поразился цезарь. – Зачем они истязают себя?

– Они замаливают грехи тех, кто почтил сатану в праздник Майумы.

---

<sup>42</sup> Минерва – в римской мифологии богиня, покровительница ремесел и искусств. отождествленная (с конца III в. до н. э.) с греческой Афиной, почиталась также как богиня войны и государственной мудрости.

<sup>43</sup> Исида – в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, олицетворение супружеской верности и материнства, богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания, охранительница умерших.

## 4

В самом глухом закоулке священного дворца математик нашел целую грудку старинных папирусов и пергаментов. Забыв обо всем на свете, ученый жадно стал разворачивать свиток за свитком. От радости у него руки задрожали, когда он вдруг обнаружил считавшийся давно потерянным трактат Менехма<sup>44</sup> о конических сечениях. Но сердце математика сжалось от боли, когда, развернув свиток, он увидел, что кое-где папирус изъеден тлей и краска во многих местах выцвела. Облив рукопись кедровым маслом, Бион смазал ее шафрановой желтью, и буквы выступили отчетливее. Он уселся было за переписку, но в комнату торопливо вошел встревоженный Лактанций.

– Это верно? Ты слышал?

– Конечно! – ответил Бион, принимая со скамьи охапку пыльных свитков, чтоб освободить место другу— Верно: я нашел его!

– Кого?

– Менехма. Вот он, смотри!

Ритор раздраженно отстранил сокровище.

– Я про слухи спрашиваю: верны они или нет?

– Для меня – нет! Я ничего не слышал, – отрезал математик с досадой непризнанного первооткрывателя и склонился над рукописью.

– Город охвачен тревогой: говорят, язиги<sup>45</sup> прорвались из-за Дуная в Валерию!

– А тебе здесь, в Антиохии, что за дело до этого Дуная? И родом ты из Нумидии.

Паннония<sup>46</sup>, восточную часть которой Галерий в угоду императору назвал именем своей жены, в самом деле была слишком далеко от Антиохии, чтобы из-за нее тревожиться. Сирийский погонщик верблюдов знал о ней не больше, чем паннонский виноградарь о Триполитании<sup>47</sup> или кордубский<sup>48</sup> скотовод о Пальмире<sup>49</sup>. Римская империя – ставшая вселенной, перестав быть родиной, – была гигантским лесом, где дня не проходило без пожара. То в один, то в другой конец ее досужие варвары швыряли горящую головню, но дым от пожара ел глаза лишь тем, кто находился поблизости, а там, куда доходили только слухи, никто не беспокоился. Большие войны, само собой, могли раздражать: тогда границы надолго закрывались, прекращался подвоз хлеба, торговцы взвинчивали цены на товары, доставляя их с огромным риском для жизни, так как военные власти обычно не отличали торговца от соглядатая. Но частые потасовки с небольшими разбойничьими племенами не нарушали привычного течения жизни и поэтому никого особенно не интересовали, если не считать работоторговцев, пользовавшихся удобным случаем, чтоб обогатить свой ассортимент. Впрочем, дела военные касались прежде всего августов и цезарей – их территория расширялась при победе или сужалась при поражении.

Однако на этот раз Антиохия все-таки заволновалась. Нападение язигов могло вынудить Галерия остаться в Паннонии, а это помешало бы встрече государей, к которой уже полгода деятельно готовился весь город. От этой встречи торговцы ожидали увеличения оборота, чиновники – продвижения по службе и наград, голодные и оборванные – бесплатной раздачи хлеба и одежды, а все вместе – зрелищ, празднеств, увеселений.

<sup>44</sup> Менехм – греческий математик IV в. до н. э.

<sup>45</sup> Язиги (правильнее – языги) – название одного из сарматских племен, расселившегося на Западе со II в. до н. э. и создавшего крупный военно-политический союз кочевых племен с центром в Северном Приазовье.

<sup>46</sup> Паннония – римская провинция, занимавшая часть территории современной Венгрии, Боснии и Австрии.

<sup>47</sup> Триполитания – историческая область в Ливии.

<sup>48</sup> Кордуба – современный испанский город Кордова.

<sup>49</sup> Пальмира – древний город в Северо-Восточной Сирии. Расцвет Пальмиры приходится на I–III вв. н. э.

Только местные власти втайне вздохнули свободнее. Все расходы по приему государей и их свиты ложились на муниципии<sup>50</sup>, и такое вынужденное гостеприимство уже не один город ввергло на долгие годы в нищету.

Ритор считал, что орды варваров вырвали у него из рук лакомый кусок. Ему, конечно, было досадно, что он зря выучил наизусть пространную речь, которая, по его расчетам, должна была пробудить задремавшее внимание императора и обеспечить более ощутимое пособие. Однако ритор не был корыстолюбцем. В отличие от многих своих коллег он мог искренне воодушевляться идеями, а не только видеть в них источник дохода. Он придумал способ отстоять интересы богов, но для осуществления своего замысла ему необходимо было лично встретиться с императором. Дело в том, что епископ Мнестор, еще находясь на службе бога Сераписа, недаром считался знающим, образованным человеком. Знания, приобретенные в язычестве, он превосходно использовал, став христианином. В спорах с Лактанцием он часто прибегал к Цицерону<sup>51</sup>, доказывая, что и в древнем Риме были проницательные умы, начинавшие задолго до проповедей Христа сознавать необходимость единого бога. Лактанций прекрасно понимал, что в руках безбожников Цицерон станет грозным орудием разрушения, когда они, овладев чернью, примутся за образованное общество. Ритор пришел к мысли, что опасность эту можно легко устранить тайным императорским эдиктом. Надо изъять произведения Цицерона из публичных библиотек и книжных лавок. Потом под соответствующим наблюдением подготовить новое издание, устранив из трудов философа все положения, которые могут быть злонамеренными людьми превратно истолкованы.

Бион терпеливо выслушал друга, потом начал копать в заплесневелом хлеме.

– Подожди, подожди... я ее только что видел... Ага! Вот она, друг Лактанций: книга Цицерона «О природе богов»! К твоим услугам мой скальпель, если ты считаешь, что, выскоблив отсюда кое-что, можно спасти богов от гибели. Но не советую тебе преподавать императору философию религии. Не забудь, мой друг, что Диоклетиан – не Марк Аврелий и за один выгодный проект закона о налогах отдаст Цицерона и Сенеку<sup>52</sup> вместе с божественным Платоном в придачу... Что случилось, Квинтипор?

Магистр священной памяти растерянно топтался у порога.

– Я ищу принцепса.

– Какого?.. Стыдно не знать, что их у нас двое.

– Принцепса Максентия.

Бион удивленно поднял брови.

– Почему же ты ищешь его здесь, среди книг, среди ученых? Нет, сын мой, Максентий в более избранном обществе. Клянусь коленкой Венеры, будь я лет на десять помоложе, я охотно помог бы тебе его отыскать.

– Начальник дворцового ведомства поручил мне найти его и сказал, что он, наверно, у нобилиссимы.

– Да, и мне так кажется, – многозначительно кашлянул математик.

– Тебе сказали, что принцепс у Титаниллы?

– Нобилиссиму зовут как-то иначе, – ответил юноша, стараясь припомнить имя.

– Может быть, Максимилла? Это ее настоящее имя, но она на него не откликается. Отец зовет ее Титаниллой, намекая, что сам он – титан. Раз Диоклетиан ведет свою родословную от Юпитера, а Максимиан – отпрыск Геркулеса, то Галерий должен быть, по меньшей мере,

<sup>50</sup> Муниципии – в Древнем Риме города, свободное население которых получало права римского гражданства и самоуправления.

<sup>51</sup> Цицерон Марк Туллий (106–43 гг. до н. э.) – знаменитый римский политический деятель, оратор и писатель.

<sup>52</sup> Сенека Луций Анней (ок. 4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) – римский философ и писатель, представитель стоицизма.

титаном. А если так, значит, и дочь его – Титанилла. Эдакая титаночка в женском платье. Говорят, она и вправду может одолеть трех молодых зараз...

Лактанций, что написал бы старик Цицерон о природе богов, если б узнал наших бессмертных?

Но ритор совсем повесил нос.

– Если правители не приедут, мне придется поступить как цирюльнику царя Мидаса<sup>53</sup>: пойду на Оронт и там произнесу речь камышам.

– Они приедут, господин мой, – повернулся к ритору Квинтипор. – Именно об этом я должен сообщить принцепсу. Язиги повернули обратно: на них с тыла напали маркоманы. Повелитель уже выехал из Никомидии... вместе с августом Максимианом. А цезарь Галерий будет здесь не сегодня завтра.

– Юноша, ты поистине – вестник богов! – воскликнул ритор и, расцеловав магистра и Биона, убежал.

– Ты его осчастливил, – усмехнулся Бион, – не знаю, так ли восторженно примет твое сообщение принцепс.

Юноша скривил рот.

– Не возьмешься ли ты выполнить это поручение, Бион?

– Выдумашь! Такую развалину, как я, нобилиссима, пожалуй, и близко не подпустит. Пославший тебя знает, что делает.

– Но я и дороги к ней не знаю.

– Что ж, я провожу тебя. Вдвоем, пожалуй, не заблудимся.

То, что в Антиохии называлось императорским дворцом, в действительности было скоплением множества зданий разного возраста и назначения, обнесенным общей стеной. Здания были отделены друг от друга платановыми рошицами и соединены кипарисовыми аллеями. В течение пятисот лет, начиная с основателя города Селевка Никатора<sup>54</sup>, каждый властитель Востока портил или украшал его в соответствии с требованиями моды и собственной прихоти. Август Октавиан воздвиг здесь храм Аполлона, Нерон построил колоссальный гимнасий, куда палящее сирийское солнце заглядывало лишь на закате, Адриан<sup>55</sup> соорудил фонтаны, Аврелиан<sup>56</sup> и Диоклетиан – монетные дворы.

– Здесь, очевидно, и находится резиденция его титанства, – показал математик на виллу из желтого мрамора. У входа на высоком пьедестале стояла бронзовая, в натуральную величину статуя Галерия в позе Сражающегося бойца Агасия, справа – Фортуна с рогом изобилия, слева – три паркы<sup>57</sup>, прядущие золотую нить.

С балкона на западной стороне дома, защищенного от солнца красным навесом, послышался звонкий смех. Квинтипору показалось, что кто-то бросил золотой шарик в серебряный бокал.

– Я слышу голубку, – закивал Бион. – Значит, и ястреб поблизости. Ну, конечно... даже два! Тот, косоплечий, со смарагдовой цепью на шее, – видишь, как сверкает?... – это и есть твой Максентий. Он знаменит тем, что на всех пальцах носит тонкие золотые кольца. Толстые, по его мнению, можно носить только зимой, а в жару надо носить тонкие. А кто же вон тот, в пестром плаще и в шапке даже сейчас, летом?... Ага, я знаю, – это персидский царевич: он

---

<sup>53</sup> Мидас – в греческой мифологии сын Гордия, царь Фригии. Был судьей на музыкальном состязании между Аполлоном и Паном и признал Аполлона побежденным. За это Аполлон наделил Мидаса ослиными ушами, которые царь прятал под шапочкой. Царский цирюльник, знавший тайну, был не в силах хранить молчание.

<sup>54</sup> Селевк Никатор (ум. 280 г. до и. э.) – полководец Александра Македонского, основатель династии и государства Селевкидов (основная территория – Сирия).

<sup>55</sup> Адриан – римский император (117–138 гг.) из династии Антонинов.

<sup>56</sup> Аврелиан – римский император (270–275 гг.).

<sup>57</sup> Парки – в римской мифологии богини судьбы.

скрывается при нашем дворе. Его должно приветствовать так же, как принцепса: все-таки царская кровь... Ну а теперь – смело вперед! Дай взгляну, в порядке ли твой костюм.

Поправив вишневым поясом на светло-зеленой одежде Квинтипора, старик ласково подтолкнул его на дорожку, выложенную слюдяными плитами и окаймленную кустами розмарина.

К счастью, Квинтипор сразу нашел лестницу, ведущую на балкон. На средней площадке юноша в бронзовой статуе с кифарой узнал Аполлона, покровителя искусств. Наверху, у входа на балкон, стояла герма<sup>58</sup> Сафо<sup>59</sup> из розового мрамора. Квинтипор остановился и прочел золотую надпись на цоколе:

Тебе, незваная, я жизнь отдам, —  
Ведь ты, любовь, сильнее смерти...

Дочитать он не успел: опять зазвенел золотой шарик в серебряном кубке. Юноша вздрогнул, сердце его неистово заколотилось. Раздвинув шелковые занавески, он шагнул вперед, но тут же замер как вкопанный.

Посреди балкона на высоком ложе с ножками из слоновой кости под красным покрывалом лежала девушка: были видны только голова ее с черными волосами, уложенными в высокую прическу, да яркие губы над узким белым подбородком. А глаза и нос закрывала парчовая повязка, как при игре в жмурки. Молодой человек со смарагдовой цепью, захлебываясь, совсем по-мальчишески закричал:

– Подсматриваешь, Титанилла, подсматриваешь! Клянусь жизнью императора, ты все видишь!

– Честное слово, ничего не вижу! – хохотала нобилиссима. – Поверь, дорогой Максентий, я и без повязки зажмурилась бы, лишь бы не смотреть на тебя.

Молодой человек был рыжий и в веснушках, с большой, смахивавшей на лошадиную, головой.

– погоди же, гадючка! Сейчас ты у меня замолчишь! – пригрозил Максентий и шлепнул ее по бедру, обтянутому покрывалом. – Ну-ка угадай, кто заглушит твоё шипение?

Отстранив улыбающегося товарища, он склонился над лицом девушки и в мимолетном поцелуе едва коснулся пунцовых губ.

– Варанес! – засмеялась девушка.

– Не угадала! – захолопал Максентий в ладоши. Он подошел к стене и серебряным стилем сделал отметку на восковой табличке.

Второй юноша, в остроконечной шапке, сбросил с плеч пестрый плащ, и Квинтипор увидел, что у него нет левой руки. Глубоко вдохнув воздух, Варанес опустился на колени и, схватив девушку рукой за плечо, крепко прижался губами к ее рту.

– Задушишь, Максентий! – резко отвернулась нобилиссима и тотчас, смеясь, добавила:

– Нет, это Варанес!

Принцепс свирепо затопал ногами:

– Это обман! Мошенники! Я видел, как он стиснул тебе плечо, – вот ты и узнала его. Что? Верно, не только в игре приспособилась?

– Ты опять за свое, принцепс?! – холодно прервала его девушка, стараясь снять повязку. – Ну-ка, развяжи, Варанес!.. Спасибо, уже готово.

Она бросила разорванную повязку на пол и, повернувшись на бок, приподнялась на локте. Шелковый, земляничного цвета хитон скользнул с плеча, на нежной белой коже еще виднелись красные пятна – следы Варанесовых пальцев.

<sup>58</sup> Герма – четырехгранный столб, завершенный скульптурной головой (первоначально – бога Гермеса).

<sup>59</sup> Сафо (или Сапфо) – знаменитая древнегреческая поэтесса (VII–VI вв. до н. э.). Жила на о. Лесбос.

– Поверь, Варанес, у моей сойки и то ума больше, чем у твоего друга!  
И нобилиссима послала воздушный поцелуй вверх, в сторону золотой клетки над входом, где, нахохлившись, сидела пестрая пичуга.

– Кто ты? – наконец заметила девушка Квинтипора.

Магистр, не решившийся ни убежать, ни шагнуть вперед, преклонил колени и, поднимая руку для приветствия, вытер вспотевший от смущения лоб.

– Раб императора, нобилиссима.

– Кто прислал тебя? – Темные миндалевидные глаза ее округлились.

– Его высокопревосходительство начальник дворцового ведомства велел передать принцепсу и нобилиссиме...

Девушка перевела взгляд на клетку и снова занялась птичкой. Принцепс, близоруко щуря глаза, подошел к юноше.

– Что еще придумал старый евнух? Наверно, опять подцепил на невольничьем рынке какую-нибудь перепелочку? Или, может быть, мальчика?

– Их божественность повелитель и твой отец август...

Максентий наклонился и взял юношу за подбородок.

– Клянусь грациями<sup>60</sup>, ты девчонка! Геркулесом, дедом своим, клянусь! Меня не обманет твой мужеподобный голос, плутовка!

И рука принцепса скользнула с подбородка юноши вниз. Но Квинтипор вскочил на ноги и ударил принцепса так, что тот отлетел к ложу нобилиссимы. Девушка схватила его за плечи и залилась звонким смехом:

– О, Геркулес у ног Омфалы<sup>61</sup>! Какая прелесть, Варанес!

Молодой перс молча отвернулся и, облокотившись на перила, стал смотреть в сад. Девушка похлопала принцепса по плечу.

– Могу поклясться, что только мой принцепс умеет падать с таким изяществом! Миленький, ну почему ты вдруг принял его за девушку? Ведь любая девушка с первого взгляда бросается тебе на шею.

Прижав к себе лошадиную голову принцепса, она ласково гладила его по рыжим волосам до тех пор, пока он, успокоившись, не поднялся на ноги и шутливо толкнул в грудь магистра, застывшего как изваяние.

– И не стыдно тебе при такой невинной физиономии иметь мускулы гладиатора? Или это во вкусе здешних танцовщиц? Что же сообщает нам старик?

Квинтипор доложил. Максентий слушал с явным удовольствием, но, когда обернулся к девушке, лицо его выражало отчаяние.

– Не везет тебе, сокровище мое, – сокрушенно сказал он. – А я решил приволочь тебе за бороду вождя язигов. Мы сделали бы его твоим евнухом, да вот видишь: мира запросил, презренный.

– Он, конечно, трусил, – задорно ответила девушка. – Но ты не горюй, принцепс: зачем мне евнух, когда есть ты.

Она коснулась обильно умашенных волос принцепса, но тотчас с отвращением отдернула руку.

– Слушай! Где твой цирюльник берет такую отвратительную мазь?!

– Это аравийский нард, – оправдываясь, пробормотал Максентий и прижался головой к шее девушки.

---

<sup>60</sup> Грации – римские богини, воплощающие прекрасное, радостное, доброе и вечно юное начало жизни. Соответствуют греческим Харитам.

<sup>61</sup> Омфала – в греческой мифологии царица Лидии, к которой по приказанию дельфийского оракула был отдал в рабство Геракл.

Нобилиссима брезгливо отстранилась и приказала Квинтипору, ожидавшему разрешения уйти:

– Поддай платок. Вон, на столе, белый шелковый.

Она тщательно вытерла шею, скомкала платок и бросила его в лицо принцепсу.

– На твоём месте я приказала бы отрубить цирюльнику руку за святотатство.

Варанес с ехидной улыбкой на серьёзном лице обратился к принцепсу:

– Как звали вашего бога, который однажды на Олимпе соорудил у себя в спальне хитроумный полог и поймал с его помощью жену свою Венеру вместе с Марсом?.. Вулкан<sup>62</sup>, кажется... Так вот, Максентий, ты мог бы сказать ему, что для него и здесь найдется работа... Взгляни, что делается вон там у фонтана, перед голубятней!

Фонтан этот изображал бронзовую нимфу, из сосков которой две серебристые струйки падали в чёрный мраморный бассейн. На краю бассейна сидел Константин, устремив задумчивый взгляд на заходящее солнце. Он как будто даже не заметил, что стоящая перед ним на коленях Минервина украсила его голову венком из плюща.

– Ого! Братец-то уж в императора играет! – позеленел Максентий. – Идем, пожелаем ему удачи, – позвал он перса, но, спохватившись, хлопнул себя по лбу, сорвал со стены восковую табличку и, показывая её нобилиссиме, потребовал:

– С тебя один золотой, дорогая моя! Первый-то поцеловал тебя я, а не Варанес!

– Ну так что же? Можешь поцеловать ещё раз – и будем квиты, – зевнув, ответила нобилиссима.

– Нет, так не годится. Проиграла – плати!

– Чем? Золотом моих мечтаний? – развела она руками, показывая пустые ладони. – Но и это не для тебя. А больше у меня ничего нет. Ты же знаешь, что в императорском доме я – нищая нобилиссима.

– Тогда зачем играла? Тебе известно, что я сын Максимиана, у которого исполнитель – палач.

И, схватив павлинье опахало, он занес его, как секиру, над головой девушки.

Та, опять зевнув, невозмутимо ответила:

– Ох, как я напугалась, принцепс. А у меня сам отец палач. Он придет – отдаст тебе за меня твой солид<sup>63</sup>.

– Ладно. А пока я возьму в залог вот это.

Он сдернул с неё красное покрывало. Нобилиссима осталась лишь в помятом хитоне. Она была такая маленькая, такая хрупкая, что магистру подумалось: «Это, скорее, творение дриад, чем Титана».

– А теперь пошли вон! Я спать хочу! – объявила нобилиссима. Взяла лежавшую в изножье серебристую накидку, завернулась в неё и закрыла глаза.

Максентий бросил покрывало Квинтипору:

– Неси за нами!

И, взяв Варанеса под руку, сказал:

– Если Венеру нужно было ловить невидимой сетью, то для няньки сойдет и это.

Не успели они спуститься по лестнице, как нобилиссима подбежала к перилам, желая предупредить влюбленных. Но у фонтана уже никого не было.

Подождав, когда Максентий выйдет из дома, девушка насмешливо крикнула:

– И тут, как с язигами, тебе не повезло! Противник отступил без боя!

Прищепс погрозил ей пальцем:

– Что-то уж очень скоро тебе расхотелось спать!

---

<sup>62</sup> Вулкан – в римской мифологии бог разрушительного и очистительного пламени.

<sup>63</sup> Солид – римская золотая монета.

– Как только ты ушел! – И нобилиссима показала ему кончик языка.

Во двор вышел Квинтипор. Он нес покрывало с таким напряженным видом, точно это был свинец, а не легкая ткань.

Нобилиссима улыбнулась и крикнула Максентию:

– Верни покрывало!

– Мне самому принести?

– Пришли... с тем, кто его унес. К тому же этот раб так ни о чем мне и не доложил.

Но Максентий, взяв покрывало, уже повернул обратно.

– Нет! – повелительно закричала нобилиссима. – Принцепса с меня на сегодня довольно!

Говорю, пришли раба!

Максентий с раздражением кинул покрывало магистру и, подняв голову к балкону, крикнул:

– Не прикажешь ли прислать всех рабов? Хочешь, пришлю тебе своего конюха?

Но последних слов девушка уже не слышала. Подбежав к круглому серебряному зеркалу, она поправила прическу, подкрасила губы и свинцовым карандашиком чуть удлинила брови.

## 5

Когда Квинтипор вошел на балкон, нобилиссима, завернувшись в накидку, сидела на ложе, по-восточному подобрав под себя ноги.

– Ты, как я вижу, не умеешь подавать вещи дамам, – улыбаясь, потянулась она за покрывалом.

– Это не моя профессия, нобилиссима, – покраснел юноша.

– О!.. Но кто же ты такой? Ключник? Что означает этот ключ?

– Я секретарь императорского дворца.

– Пусть! А мне какое дело?! Кто бы ты ни был, ты обязан этому научиться. Смотри, как надо!

Встряхнув покрывало, она аккуратно сложила его вчетверо и подала Квинтипору.

– Теперь разверни и одень меня!.. Вот так... Шею прикрой как следует: по вечерам здесь комары донимают... А отчего у тебя руки дрожат? Неужели холодно? Постой!

Она сбросила на пол две небольшие подушки.

– Садись и слушай! Понял ли ты, что обязан мне жизнью? Заметил хоть, что я спасла тебя?

– Спасла? От чего, нобилиссима?

– Как ты посмел ударить принцепса?! Если бы не я, он зарезал бы тебя на месте!

Квинтипор усмехнулся. Нобилиссима повысила голос:

– Чему ты смеешься, раб?

Юноша опустил голову. Он раб – это правда. Но еще никто не хлестал его этим словом так больно.

– Отвечай! Почему ты усмехнулся?!

– Я только подумал, чем бы я занялся, пока бы принцепс меня резал.

Девушка звонко рассмеялась:

– Да ты не из робких... И, видно, сильный!.. Дай я погляжу на твою руку... Ты кто? Охотник? Наездник?

– Нет, нобилиссима.

– Ах да! Я все забываю, кто ты. Принцепсу стоило приказать – и тебя распяли бы на кресте. Он ведь дикий, жестокий и коварный, как волчонок. Я сама всегда боюсь, что он укусит меня.

Девушка озорно улыбнулась. Потом на минуту задумалась.

– А вот персидский царевич не такой... Кроткий, тихий. И какие сказки рассказывает!.. Интересней, чем моя няня. Жаль только – руку себе отхватил, сумасшедший. Знаешь из-за чего?

Квинтипор растерянно молчал. Девушка, не дожидаясь ответа, продолжала тараторить:

– Он уже наместником был, только вот забыла где... Никак не могу запомнить эти варварские названия... Ну, все равно... Одним словом, был уже сатрапом... И кто-то донес царю, что будто он затеял против него, отца своего, заговор. Варанес, как только узнал о доносе, взял да оттяпал себе руку и в знак преданности послал отцу. Он очень любил своего отца... да и сейчас любит, хоть и должен скрываться от него. Вот какие есть на свете отцы... и дети тоже! Слышал ты что-нибудь подобное?.. А ты способен на такое? Хватило бы у тебя духу отрубить вот эту сильную руку?.. Ух, какой яркий у тебя пояс! Совсем как мои губы! Правда?.. Почему ты молчишь? Отвечай!

– Да, – молвил, опустив глаза, Квинтипор.

– Ах, до чего ты красноречиво изъясняешься! А все-таки любопытно знать, к чему относится это «да»: к поясу, к моим губам или к твоей руке? Скажи, есть ли в жизни такое, ради чего ты мог бы отрубить себе руку?!

Звуки умирают быстрее, чем цвета и запахи, но врезаются в память и преследуют значительно дольше. Магистр даже в последний свой час явственно слышал этот вопрос, хотя так никогда и не мог понять, что произошло, когда он услышал его. На фоне темно-бронзового заката вдруг порозовело мраморное лицо поэтессы, кроткое, задумчивое, и он ответил ее словами, написанными золотом:

Тебе, незваная, я жизнь отдам,  
Ведь ты, любовь, сильнее смерти...

И замер, потрясенный своей дерзостью. Произнести это вслух – богохульство! Святотатство большее, чем ударить сына божественного августа...

Он не успел додумать эту мысль до конца, как девушка вдруг вытянулась на ложе и воскликнула почти со слезами:

– Это правда?! Или сон?.. Ты произнес это?! Стихи Сафо?.. Ты раньше их знал или здесь выучил?.. Да кто же ты такой? Здесь всюду – одни солдаты... да рабы!.. Ты... ты... наверно, переодетый бог! Правда?! О! Было бы чудно, если б ты только мне, только мне одной открыл, кто же ты! Ходил бы среди людей как простой смертный, и я одна знала бы, кого скрывает эта зеленая одежда... Нет, я воздвигла бы тебе алтарь, и ты стоял бы на нем изваянием, равнодушный к людям, приносящим тебе жертвы, смотрел бы на далекие облака, слушал бы ветры и пение птиц... А когда на небе загорятся звезды, ты покидал бы свой алтарь и читал мне стихи о ветрах, облаках, птицах.

В сгустившихся сумерках голос ее, слабея, доносился словно откуда-то издалека. Под конец девушка говорила уже только сама с собой, а когда умолкла, юноша сказал, тоже сам себе:

– Я раб. Раб своего отца.

Нобилиссима, будто очнувшись, огляделась по сторонам.

– Как? Разве ты не раб императора? Что это значит – раб своего отца?

– Отец превратил меня в раба – продал императору.

– Все мы рабы! – с горечью воскликнула нобилиссима. – Рано или поздно отец и меня тоже отдаст в рабство. А ведь он – цезарь!.. Скажи, кто твой отец?

– Садовник Квинт. Здесь, при дворе.

– Здесь есть садовник? Ни разу не видела. Да и тебя я до сих пор не замечала. Вы тоже из Никоидии?

– Родители оттуда. А меня только на днях привез сюда Бион.

– А кто это Бион?

– Придворный математик.

– Варанес, кажется, знает его. Тот, что читает по звездам?

– Да, нобилиссима, Бион знает все на свете. Когда мы были в Афинах, он предсказал землетрясение, и за это его хотели провозгласить богом. Но Бион сказал, что обожествлять человека – кощунство, и тогда нас чуть не закидали камнями.

– И тебя тоже? Что ты там делал? Прислуживал Биону?

– Он всюду возил меня с собой. Так приказал повелитель. Он поручил Биону мое воспитание.

– Ой, не говори о воспитании, а то заставишь меня покраснеть. Меня ведь никто не воспитывал. Росла себе как дикая маслина. Скиталась, мыкалась по свету, куда только не водил отец свои войска. Недаром и прозвали меня дикой нобилиссимой. Не слышал? А тебя как зовут?

– Квинтипор.

– Какое странное имя, – усмехнулась девушка. – Видимо, оно обозначает, что ты пятый сын? Верно?

– Нет, я у отца единственный. А имя мое обозначает просто, что я – сын Квинта.

– Извини, но все-таки это – чудное имя. Максентий, например, куда благозвучнее. И значит: величайший из великих. Между прочим, мое настоящее имя – Максимилла. Так сказать, самая большенькая... Ты что? Думаешь, я намного ниже тебя?

Она спрыгнула на пол. Юноша в смущении выпрямился. Но она тотчас забыла, зачем поднялась, и, показав на луну, чья красная верхушка виднелась сквозь тончайшую дымку над правильным конусом Сильпия, воскликнула:

– Смотри, Диана<sup>64</sup> уже надела свою пурпурную диадему!

Приняв слова нобилиссимы за разрешение удалиться, Квинтипор преклонил колено, не зная, впрочем, чего ему больше хочется – уйти или остаться.

– Куда ты? – строго посмотрела на него Титанилла. – Я приказала принцепсу удалиться, потому что он надоел мне. А тебе приказываю остаться, потому что мне с тобой еще не скучно. К тому же ты так и не доложил сообщение начальника дворцового ведомства.

– Получено известие, что его божественность цезарь Галерий прибудет на днях в Антиохию.

Девушка ничего не ответила. Она срывала белый пух барвинков, обвивавших балкон, и сдувала его вниз, в пространство, озаренное красным светом факелов, которые держали четыре раба-люцернария, уже занявшие свои места у входов в виллу. Откуда-то издали слышался колокольный звон и мычание жертвенных коров, отправляемых в дафнийскую рощу.

Вдруг нобилиссима заговорила:

– Ты здесь, сын Квинта? Я и забыла о тебе... Мне вспомнилась бабушка, ее домик, где я жила в детстве. Моя бабушка... но это – секрет... понимаешь, семейная тайна... Как бы рассказать тебе об этом?... Скажи, ты не мог бы выдать мне взамен какую-нибудь свою семейную тайну?... О, тебе хорошо, у тебя нет семейных тайн! Вот если бы ты влип в родство с богами, так и тебе непременно подсунули бы какую-нибудь тайну – еще в колыбель.

Повернувшись спиной к восходящей луне, она продолжала:

– Твой Бийон и меня назвал бы богохульницей. А ты веришь, что я свалилась сюда прямо с Олимпа?

– Да, нобилиссима! – тотчас простодушно, искренне воскликнул юноша.

– Ну, не ври! Я ничуть не верю. Одному отцу моему известно, что бабушка зачала его от Марса, совсем как Рея Сильвия Ромула<sup>65</sup>. Может быть, про это знает еще сам бог Марс. Но моя милая старенькая бабушка ничего, ровно ничего об этом не знает. Я думаю, она обломала бы о спину своего сына метлу, если б знала, что он создаст ей такую дурную славу.

Нобилиссима захохотала и хлопнула Квинтипора по плечу.

– Хочешь, скажу, что ты сейчас подумал?... Что за спиной все зовут моего отца пастухом! Ведь это пришло тебе в голову, правда?

– Нет, нобилиссима. Почему же?..

– Да потому, что все так его называют. И ты, как только освоишься немного при дворе, тоже будешь.

Юноша отрицательно покачал головой, но девушка, махнув рукой, продолжала:

– Что до меня, ты можешь звать его пастухом: я не сержусь на это. Бабушка до сих пор каждое утро приносит голубку в жертву Весте<sup>66</sup> за то, что ее сын-пастушок стал вдруг боже-

---

<sup>64</sup> Диана – римская богиня Луны, растительности, покровительница рожениц. Соответствует греческой Артемиде.

<sup>65</sup> Рея Сильвия – в римской мифологии мать Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

<sup>66</sup> Веста – в римской мифологии богиня священного очага городской общины, дома. Соответствует греческой Гестии.

ственным государем. Сказать тебе?.. Я ведь и сама чувствую, что во мне – кровь пастуха, а не бога. Я чувствовала бы себя очень счастливой, если б меня отпустили в деревню к бабушке – сажать наседок на яйца, копать в огороде, кормить телят, отгонять коршунов – делать все-все, что делает бабушка.

Согнувшись и придерживая покрывало у колен, она засемила по балкону.

– Шиу-шш-у-у ты, проклятый, кши-и-и!..

Потом выпрямилась и, вскинув голову, промолвила:

– Наболтала я тебе, Квинтипор, всяких глупостей... Это все из-за мычания коров, из-за луны... Ну ладно! Теперь говори ты! Так что же ты пришел сообщить?

– Я уже доложил, нобилиссима. Скоро приедет твой отец.

– Доложил, говоришь? А я не слышала. Но, знаешь, это для меня не новость. Вчера я получила от отца письмо... и еще кое- что. Показать?

И она куда-то исчезла. У Квинтипора голова закружилась. Он крепко взялся за перила. Эти нобилиссимы все такие взбалмошные?! Вот афинские девушки, с которыми он осматривал Пирей, – те совсем другие. Да и коринфская поэтесса, вместе с которой он украсил венком статую Афродиты, снимающей сандалию, тоже не такая. Но никто из них не сравнится с нобилиссимой по красоте!.. Балкон вдруг качнулся и куда-то поплыл, юноша, тряхнув головой, зажмурился. И сразу возникло изумительно белое плечо нобилиссимы с огненно-красными пятнами от пальцев перса. Этот перс еще отвратительнее, чем тот... с лошадиной головой. Мимо пронеслась летучая мышь, едва не задев его лба. Квинтипор открыл глаза. В тумане медленно кружились здания, роши, остроконечная вершина Сильпия с серебряным диском луны вверху.

Очнулся он от мелодичного звона. К нему приближалась нобилиссима, грациозно пританцовывая, в одеянии необычного покроя. Золотисто-желтый шелк струился длинными складками. На голове – серебристый тюрбан; жемчужное ожерелье с золотыми бусинками спускалось к слабо завязанному фиолетовому поясу усеянному драгоценными камнями; на руках и ногах – золотые запястья с крошечными колокольчиками.

Квинтипор смотрел как зачарованный. Девушка горделиво повернула голову.

– Что ж ты не молишься, раб? Варанес с Максентием уверяют, что, когда я в этой палле, на меня можно только молиться. Этот наряд принадлежал, наверное, какой-нибудь еврейской царице: отец получил его от правителя Иудеи. Для жены, конечно... но прислал мне, чтобы я нарядилась к его приезду. А для кого мне наряжаться? Скажи, Квинтипор, для кого мне быть красивой?!

И она кокетливо прошлась перед ним, звеня подвесками.

– Да, нобилиссима... в мире нет достойного твоей красоты, кроме тебя самой! – взволнованно пролепетал юноша.

– О-о! У тебя настоящий дар! Как ты быстроходишь в роль!.. Кто знает, может быть, точно такими же словами льстили и той, для кого шилась эта палла! И возможно – это была моя мать. Отец говорит, что почти не помнит ее, и я ему верю: ведь тогда он был только легатом. А вот Трулла – моя няня – клянется Гекатой...<sup>67</sup> она у меня старенькая, наверно, ровесница самой Гекате, но лепешки печет – объедение! погоди, я как-нибудь угощу тебя... Ой, я ведь что-то хотела сказать? Скорей, Квинтипор! Ты обязан угадывать мои мысли... угадал стихи, которые были тогда у меня на уме... Выручай опять!

– Ты хотела рассказать о своей матери, нобилиссима.

– Да, да! Верно!.. Мне не было и года, когда отец ее бросил и она умерла. Трулла говорит, что она была, кажется, еврейская царевна. А ты не заметил, Квинтипор? Глаза-то у меня еврейские! Все видят, а что у меня в душе, через них не разглядишь.

<sup>67</sup> Геката – в греческой мифологии богиня мрака, ночных видений и чародейства.

Квинтипору глаза нобилиссимы все время казались черными. Сейчас, широко раскрытые, но невидящие, устремленные к луне, свет которой дробился в них серебристыми искорками, они стали совершенно синими.

– Глаза твои цвета спелого винограда, нобилиссима!

Девушка не слышала. С неизъяснимой скорбью на лице, с дрожащими, чуть приоткрытыми губами она протянула руки к луне.

Юноше стало жутко.

– Нобилиссима! – испуганно окликнул он.

В коридоре послышались шаги. Невольник-египтянин с бритой головой внес на балкон серебряный канделябр с тремя ковчегообразными светильниками, в которых ярко пылало душистое масло.

Семеновшая следом за рабом быстроглазая, как ящерица, старушка несла перед собой черную шкатулку.

– Посмотри, Нилла, что прислал тебе принцепс!.. Раскрыть, моя пташка?

Она поставила шкатулку на стол, подошла к девушке и стала гладить ей лицо, плечи, целовать руки.

– Опять нашла на тебя эта порча, голубка моя! И старой няньке-то своей не отвечаешь?.. Сейчас мы их, проклятых духов, обратно на луну загоним.

Мелкими шажками старуха вышла и тут же вернулась с дымящейся курильницей на бронзовой цепочке. Окуривая девушку со всех сторон, она стала бормотать непонятные заклинания.

Нобилиссима встрепенулась, но, словно еще не придя в себя, бессильно уронив руки, спросила:

– Это ты, Трулла? Что тебе?

– Говорю, принцепс подарочек прислал. Хочешь взглянуть?

Титанилла раздраженно передернула плечами:

– Не надо! Уходите! Только оставьте свет!

Квинтипор тоже направился к выходу.

– Нет! Тебя я не отпускала! Подай шкатулку. Сумеешь открыть?

– Она не заперта, – ответил магистр, но, приподняв крышку, выпустил шкатулку: из нее выпала окровавленная кисть человеческой руки.

Девушка подскочила к зашатавшемуся юноше и, вцепившись ему в волосы, изумленно воскликнула:

– Какие у тебя мягкие волосы! Мягче моих! Ну попробуй сам!.. Что с тобой, Квинтипор?!

Магистр с ужасом показал на пол:

– Вон там... посмотри, нобилиссима...

– Вижу! – Она оттолкнула кисть в сторону носком золотой сандалии. – Этот болван отрубил-таки руку своему цирюльнику. Хорошо еще, что я не про голову сказала. Ты испугался?! А говорил, что способен поступить, как Варанес!.. Можешь идти, Квинтипор!

Юноша преклонил колено и быстро ушел, не пятась, как полагалось, а лицом к двери.

Содрогаясь всем телом, он опрометью кинулся вниз по лестнице, освещенной хрустальным светильником. Внизу навстречу ему из-за колонны вышла нобилиссима: на лице и в глазах ее играла спокойная улыбка.

– Взгляни на эту гемму.

На гладко отшлифованном аметисте прекрасная юная нимфа давала грудь безобразному старому сатиру. Поражала тонкость гравировки, исполненной на таком небольшом камне. Мастер, несомненно, работал новейшим способом, пользуясь лупой – стеклянным шариком, наполненным водой.

Юноша покраснел:

– Я... уже... видел это... в скульптуре... на Кипре.

– Скажи, стоит она руки?

– Не... не... не знаю, нобилиссима, – пробормотал он, заикаясь.

Он хотел ответить, что не колеблясь отдаст обе свои руки, если нобилиссима этого пожелает, но не отважился. Ему опять вспомнилась окровавленная кисть на полу.

– Твой Бион, наверно, знает. Попробуйте продать ювелиру: может, он даст за нее несколько золотых. А ты отнеси их цирюльнику. Только чтобы он тебя не видел: брось в окно, пусть думает, что какой-то бог сжалился над ним.

Квинтипор смущенно протянул ей свой кошелек.

При виде золота девушка радостно засмеялась:

– Не говорила ли я, что ты переодетый бог!

Она взяла из кошелька только две монеты.

– Пожалуй, будет лучше, если роль богини сыграю я. Мне не хочется, чтобы принцепс видел тебя возле своего дома. Мое появление не удивит его.

Квинтипору казалось, что кто-то схватил его за сердце, хотя нобилиссима схватила его только за руку и всунула ему гемму в ладонь.

– Бери: она твоя, ты купил ее... Но с условием: носить ее будешь, только когда вернешься в Элладу.

Оглянувшись по сторонам, она вдруг притянула к себе голову юноши и прошептала на ухо:

– Я так рада тебе, сын Квинта!.. Потому что... не обязана выйти за тебя замуж... Спи спокойно!

Но сын Квинта в эту ночь не спал спокойно. Домой он пришел поздно, пробродив весь вечер в темных заброшенных аллеях под тихо мерцающими, кроткими звездами. Юноше казалось, что одна из них спустилась к нему.

Квинтипор прокрался на цыпочках мимо комнаты Биона. Сегодня ему впервые не хотелось беседовать с математиком. В открытую дверь он видел спину старика, склонившегося над рукописью, и отодвинутый в сторону нетронутый ужин: очевидно, Бион рассчитывал поужинать с ним вместе. Вспомнив улыбку, с которой математик говорил о «титаночке в женском платье», юноша не нашел в своем сердце приязни к старому другу.

Уже светало, когда, унесенный вихрем смутных, путаных мыслей, он забылся в тяжелом сне, успев подумать напоследок, что нынче третий день недели Dies Martis, то есть не день златокудрой богини, что катается по небу в запряженной голубями колеснице, а день, посвященный красноликому и кровожадному богу.

## 6

Если император являлся народу не иначе как в ослепительном блеске божественного убранства, то жена его августа Приска еще больше походила на божество, будучи абсолютно недоступной лицезрению смертных. В реальности императрицы никто не сомневался, так как на всех площадях стояли ее статуи, перед которыми ежегодно в назначенный день, согласно предписанию, приносились жертвы в виде благовонных курений. Скульпторы изображали ее Церерой<sup>68</sup>, безмятежной и благосклонной, – именно такой надлежало представлять себе первую матрону Римской империи. Говорили, что такой она и была, когда в сиянии безыскусственной красоты взошла на престол: и все позднейшие статуи копировали первую. Но с годами августа, как все женщины, состарилась. Некоторые утверждали, что императрица избегает людей и ненавидит их, оттого что какая-то болезнь обезобразила ее; другие говорили о душевном недуге. В последнее время втайне поговаривали и о том, что боги за что-то наказали августу, лишив ее рассудка, чем и объясняется усиленная охрана поезда императрицы во время следования из Никомидии в Антиохию. Немногие очевидцы ее прибытия клялись всеми богами, что та, которую вынесли из закрытой повозки, тщательно завернутую в покрывала, с закутанным вуалью лицом, могла быть только малым ребенком, а никак не взрослой женщиной.

Однако ничего определенного никто не знал. Даже высшим сановникам не позволялось входить в гинекей<sup>69</sup> императрицы. Часть дворцовой прислуги, некогда обслуживавшей божественное семейство, уже вымерла, другие были отпущены императором на покой. В последние годы августа Приска не имела придворных дам, а прислужницы жили вместе с госпожой, отрешенные от всего мира. Кроме них и врачей, правду знали лишь члены семьи императора да два-три самых приближенных человека.

Августа Приска не была ни сумасшедшей, ни человеконенавистницей, но, по утверждению врачей, временами ею овладевал некий злой демон. Подолгу пребывая в глубокой печали и молчании, она немного оживлялась, когда ее навещал император. Изредка она сама приглашала его на ужин. Но чаще всего ее мучили ужасные головные боли, предвещавшие скорое появление злого духа. Императрица целыми днями не прикасалась к пище, не могла заснуть и все ходила по покоям, во власти тяжелых раздумий, не замечая, что прислужницы следуют за ней по пятам. Сначала она ходила молча, потом, с озаренным нежной улыбкой лицом, начинала что-то невнятно бормотать. Потом, подобно счастливой молодой матери, принималась напевать колыбельные песни, в такт двигая руками, головой, покачиваясь всем телом. Потом вдруг, присев на корточки, ползала по полу, поддерживая воображаемого ребенка и поощряя его первые шаги ласковым лепетом. Под конец августа обычно вскакивала и с душераздирающими воплями металась по дворцу, пока, совершенно обессилив, не падала наземь и не засыпала, всхлипывая во сне. Этот необычайный сон, длившийся иногда двое суток, был ужасающе глубок и оканчивался всегда тем, что императрица снова начинала рыдать, рвала на себе волосы, царапала в кровь лицо. Когда он случился впервые, августу сочли умершей, так мертвенно остекленели ее глаза. Но сердце билось нормально и дыхание было как у спящей. Ее трясли, переворачивали с боку на бок, она не просыпалась. Врачи, заподозрив во всем демона, пришли к заключению, что он навсегда покинул бы августу, если бы его удалось хоть раз прогнать. Перепробовали все возможные средства. Больную кропили водой священных источников, доставленной из самых отдаленных частей империи. С трудом разжав ей зубы, вливали

<sup>68</sup> Церера – в римской мифологии богиня земледелия и плодородия, пользовавшаяся большим почетом, особенно среди крестьян. Соответствует греческой Деметре.

<sup>69</sup> Гинекей – в Древней Греции женская половина в задней части дома.

в рот жгучий сок аравийских трав, чтобы противодействовать маковому молоку, которым бог Сомн<sup>70</sup> смачивает губы спящих. Окуривали дымом навоза, привезенного из Египта, от священного быка Аписа. Обжигали руки и плечи крапивой, выросшей не в тени, а на солнце, то есть посеянной не богиней Гекатой, а всепробуждающей Авророй. Ничто не помогало. Правда, курение вызывало у больной кашель, а крапива воспаляла кожу, но ни то ни другое не могло пробудить ее. Не помогали даже древнейшие фламинские<sup>71</sup> заклинания, на которые возлагались особенные надежды, так как содержание их было загадочно для самих заклинателей.

– Из всех известных нам демонов этот – самый могучий, – сокрушенно говорили врачи. – Он, несомненно, архонт<sup>72</sup> всех остальных.

Имя архонта злых духов тоже было разгадано. Все сошлись на том, что его зовут Фиуфабаофом. Этому открытию придавалось огромное значение: известно, что демоны, когда к ним обращаются по имени, становятся покладистее. Но Фиуфабаоф никаким уговорам не поддавался и покидал больную, только когда хотел этого сам, обычно часов через восемнадцать, а уходя, обнаруживал свою ужасную силу еще убедительней, чем до того. Пятеро прислужниц еле удерживали судорожно бьющуюся императрицу в постели. Столько силы, конечно, не могло быть в изнуренном теле больной. Этим демон показывал, что, разозленный настойчивыми попытками изгнать его, он не склонен выпускать свою жертву из когтей.

Главный придворный медик Синцеллий посоветовал обратиться за помощью к самому богу врачевания. В пергамское святилище Асклепия<sup>73</sup> больные должны были являться лично. Хранящиеся в сокровищнице храма груды золотых сердец, ониксовых глаз, выточенных из слоновой кости рук и ног свидетельствовали, что многие состоятельные люди избавились здесь от болезней сердца, глаз или конечностей. Исцелялись только богатые, так как желающим выздороветь нужно было спать в храме у подножия статуи бога, а за место и снотворные напитки взималась немалая плата. Сам Асклепий лечил, разумеется, бесплатно. Бог консультировал больных ночью, во время сна, рекомендуя способы, как избавиться от недуга или хотя бы немного смягчить его.

С трудом решилась императрица на такое далекое путешествие. И, очевидно, не напрасно провела она ночь у подножия статуи бога. Правда, сама августа не помнила, что приснилось ей в святилище, но жрецы слышали, что она громко смеялась во сне. А смех – явное свидетельство благоволения божьего.

– Некая большая радость исцелит августу, – растолковали ее сон жрецы. – Радость наполняет сердце ярким светом, а злые духи, порождение тьмы, бегут от света, ибо свет несет им смерть.

Посещение бога в Пергаме состоялось незадолго до поездки императрицы в Антиохию. После того как добрая воля Асклепия была установлена, августа, готовая ухватиться за малейшую надежду, немного воспрянула духом. Но в последние дни, когда в священном дворце всех охватило волнение в ожидании скорого прибытия государей, силы опять оставили больную. Демон уведомлял о своем приближении привычными головными болями, но на этот раз августа жаловалась также на боли в сердце. Сначала она не хотела и слышать о том, чтобы лечь в постель, но в конце концов уступила настояниям своей дочери Валерии.

Бледная, с обострившимися, словно обточенными болезнью чертами лица, лежала императрица в затемненной спальне; сползающий со лба пергаментный бурдючок с ледяной водой почти совсем закрывал обведенные синевой глаза. Она казалась моложе дочери. Сидящая на

---

<sup>70</sup> Сомн – бог сна у римлян. Соответствует греческому Гипносу.

<sup>71</sup> Фламины – в Древнем Риме жрецы отдельных божеств.

<sup>72</sup> Архонт – высшее должностное лицо в древнегреческих полисах.

<sup>73</sup> Асклепий – в греческой мифологии бог врачевания. Соответствует римскому Эскулапу.

краю постели худощавая молодая женщина с горестным выражением лица выглядела старше, чем больная.

Из-под опущенных ресниц августы тихо катились слезы.

– Жрецы уверяют, что у меня еще будет радость, – ломая прозрачные руки, промолвила она. – Но скажи, какую радость, кроме смерти, могут дать мне боги?

– Полно, полно, мама! Перестань! – воскликнула Валерия, схватив мать за руку. – Ты сама усиливаешь болезнь тем, что не хочешь расстаться со своим горем.

Резкие слова дочери больно задели августу, уже привыкшую к тому, что с ней во всем соглашаются. По-детски надув губы и немного помолчав, она спросила:

– Зачем ты обижаешь меня, Валерия?

– Обижаю? Чем, мама? Тем, что призываю к терпению?

– Ты совсем не жалеешь меня.

– А меня кто-нибудь жалеет?!

– Ведь ты еще молода.

– Вот именно. Я еще молода... я дочь императора и жена цезаря, а жизнь моя хуже, чем у последней невольницы, обмывающей покойников.

– Почему так разгневались на нас боги? – простонала больная. – Почему лишили меня радости? Я никогда никого не обижала.

– Я не знаю, мама!

И, опять схватив августу за руку, Валерия горячо продолжала:

– Но знаю, что у меня-то радость отняли не боги... а вы с отцом... Выдав меня за Галерия!

– О нет! Только не я!.. Только не я! – рыдая, запротестовала мать. – Ведь я была не в себе, когда тебя увезли к нему.

– В этом все дело. Отдавшись своему горю, ты была слепа и глуха ко мне. Я ползала у тебя в ногах, обнимала твои колени, молила пощадить меня, но ты ничего не слышала и не видела... плакала, плакала... и все о своем сыне.

– О, Аполлоний! Родной мой Аполлоний! – вскрикнула мать, порывисто поднявшись в постели.

Валерия энергичным движением заставила ее опуститься на подушки и, взяв обеими руками за голову, повернула лицом к себе.

– Зачем плакать о том, кого нет? Можно ли без конца сокрушаться над тенью ребенка? Ведь Гадес<sup>74</sup> похитил его, когда он и ходить-то по этой земле еще не научился! Как долго будешь ты рыдать над тенью?! Деметра и та оплакивала Персефону<sup>75</sup> только с осени до весны. А тебе, мама, недостаточно шестнадцати лет, чтобы остановить свои слезы!

Добрый материнским взглядом, исполненным страдания, императрица заглянула в глаза молодой женщины.

– О дочь моя! Пусть дадут тебе боги узнать, что значит быть матерью, но только не так, как мне!

Валерия вдруг нервно, визгливо расхохоталась:

– Мне? Быть матерью? Я своими руками задушила бы ребенка, если бы выносила его в своем чреве! Но не беспокойся, мне не придется стать убийцей твоего внука. Твоя дочь, которую без согласия матери выдали замуж, никогда не станет матерью! У меня нет мужа, а только господин! Знаешь, что он сделал, когда в свадебном наряде при свете факелов, под звуки флейты подружки привели меня в его дом? Приказал распороть живот беременной невольницы и своими руками вырвал плод, чтобы по его внутренностям ему предсказали будущее. И представь,

---

<sup>74</sup> Гадес (или Аид) – в греческой мифологии бог подземного мира и царства мертвых.

<sup>75</sup> Персефона – в греческой мифологии богиня царства мертвых. Дочь Зевса и Деметры, супруга Аида, который с разрешения Зевса похитил ее.

не обмыв рук, он хотел развязать мой пояс! С той поры меня преследует запах крови. Тот, кого вы с отцом нарекли сыном, весь пропах кровью.

Валерия, тоже рыдая, упала на грудь матери. Та прижала ее к себе и погладила по голове.

– Император... твой отец...

– Нет, мама! Он мне не отец, он только император!.. Может быть, не стань он императором, я и была бы ему дочерью. Но теперь он – только император, у которого нет ничего, кроме империи.

– Он самый мудрый в мире...

– Как ты не понимаешь, мама, что мне нужна не мудрость, а хоть капля любви!

– Ты скажи ему... Хочешь, я попрошу его за тебя?

– Я боюсь его, мама! Если бы ты видела, как он отвернулся от меня, когда я сказала, что не хочу быть женой Галерия! После этого я только раз виделась с ним, но и тогда у него не нашлось для меня доброго слова.

– Он думает, что ты счастлива.

– Он вовсе этого не думает. Он принес меня в жертву, как Агамемнон<sup>76</sup> – Ифигению, и больше я для него не существую.

За окном раздались торжественные звуки труб, которыми обычно приветствовали появление государей. Вскочив с места, Валерия заглянула в атрий<sup>77</sup> и тотчас вернулась с побледневшим, без кровинки лицом.

– Галерий идет, мама! Всеми богами молю: забудь, о чем мы говорили! Ты видишь, как мне страшно!

Она показала матери руки, покрывшиеся гусиной кожей. Потом поправила подушки, краем одеяла осушила слезы и подняла занавес над входом.

Цезарь Востока явился без свиты, в сопровождении своей дочери. Казалось, пол прогибался под его тяжелыми шагами. Хотя он уже раздобрел, лицо его было еще свежо и румяно, курчавая борода иссиня-черна. В круглых, как у дикой кошки, глазах еще горела безудержная удаль горного пастуха, умеющего и стеречь скот, и угонять его.

Валерия приветствовала мужа молчаливым поклоном. Небрежно кивнув ей в ответ, он поднял правую руку и зарокотал:

– Да благословят боги тебя и твой дом, государыня августа! Не гневайся, что не встаю на колени: мне трудно будет подняться. Старею, августа, старею! Но это не беда, лишь бы женщины наши были вечно молоды.

Императрица, сделав над собой усилие, дрожащими губами, но приветливо спросила, благополучно ли он доехал.

– Хорошо, матушка, хорошо. Но путешествие немного затянулось. Пришлось повозиться с проклятыми безбожниками.

Он сердито фыркнул. Так как обе женщины молчали, Титанилла сочла уместным поинтересоваться:

– Тебя задержали язиги? Мы здесь тоже о них слышали. Максентий совсем было собрался на них в поход.

Галерий рассмеялся:

– Молодец твой Максентий! Но дело не в язигах, а в безбожниках. Язиги что! Это вполне честные разбойники. С ними управиться плевое дело: повесил одного-другого на границе, и пока трупное зловоние не выветрилось в этом районе – порядок и тишина. Безбожники похуже.

– Это христиане?

---

<sup>76</sup> Агамемнон – предводитель греческого войска в Троянской войне. Принес в жертву богине Артемиде, лишившей греческий флот попутного ветра, свою дочь Ифигению.

<sup>77</sup> Атрий – закрытый внутренний двор в середине древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения.

– Они самые! Язиг охотится за скотом, женщинами и рабами, и больше ему ничего не надо. Христиане же хотят наших богов выгнать из храмов. По дороге в трех местах жрецы жаловались мне, что эти мерзавцы разрушили алтари бессмертных. Согнал я их в одно стадо и отправил вслед за богом, которому они поклоняются. Но меня просто взбесило, что в моем войске нашелся центурион, который отбросил копьё в сторону и нагло заявил, что не станет проливать христианскую кровь. Ничего не поделаешь, пришлось заодно и его кровь пролить. Я своей собственной рукой, вот как стою перед вами – в плаще и парадной тоге, пронзил безумца его же копьём... Пойдите, сейчас покажу, как этот негодяй забрызгал мне тогу кровью.

Императрица и Валерия вскрикнули. Голова августи бессильно соскользнула с подушек. Валерия в ужасе отпрянула к стене. Встревоженная Титанилла заметалась от одной к другой.

Цезарь выпучил глаза:

– Что с ними стряслось?

– Ты их напугал своей окровавленной тогой, государь.

Галерий расхохотался:

– Сразу видно – не нашей породы... А ты куда?

– За врачом, если позволишь.

И нобилиссима выбежала из спальни.

Закинув за спину конец красной мантии, цезарь тяжелой, вялой походкой тоже двинулся к выходу.

Ни единой души не встретилось ему вблизи покоев императрицы, лишь в кипарисовой аллее стали попадаться люди – не только босоногие рабы, но и сановники в башмаках с серебряными пряжками. Все они, увидев багряницу, падали на колени, а цезарь проходил мимо, не обращая на них никакого внимания. Только раз оглянулся он, удивленный: мужчина в длинной власянице низко наклонился, но колена не преклонил, хотя шедший впереди него седой невольник простерся ниц. Когда Галерий пошел дальше, старый раб поднялся и, дрожа всем телом, пролепетал своему спутнику:

– Господин!.. Ведь это был сам божественный цезарь!

– Знаю, – усмехнулся тот. – Но не понимаю, почему ты так напугался.

– Ты не воздал ему должной почести!

– Нет, друг мой, я приветствовал его, как полагается приветствовать человека. А колени преклонять следует только перед богом.

Он сказал «перед богом», а не «перед богами». Глаза старого невольника восторженно засияли.

– Значит, ты из наших, господин, – воскликнул он и перекрестил себе лоб. Тот тоже перекрестился.

– Я христианский врач Пантелеймон.

Старик опять упал ничком, как только что перед цезарем.

– Что ты делаешь?! – возмутился Пантелеймон. – Разве ты не христианин?

– Как же! Я из христиан, господин... Помнится, я тебя видел на нашем собрании. Толкуют, что Бог наделил тебя чудотворной силой воскрешать мертвых именем Христа! И вот я благодарю Господа нашего за то, что Он послал меня указать тебе дорогу.

Пантелеймон действительно был христианским врачом, которого Господь Бог наставил на путь истины. Многие годы, живя в Антиохии, будучи язычником, он успешно лечил заболевших богачей и сам очень разбогател. Как-то раз судьба свела его у постели умирающего с епископом Мнестором. Сначала врач принял епископа за знахаря-шарлатана, но очень скоро по некоторым высказываниям Мнестора убедился, что тот помимо чрезвычайной кротости отличается также немалой ученостью. Пантелеймона, конечно, удивило, что, несмотря на это, тот исповедует столь невежественную религию. Когда же врач высказал епископу свое недоумение, тот ответил, что и он, со своей стороны, очень удивлен тем, что такой знаменитый врач

еще не принял христианства. По его убеждению, все врачи обязаны стать христианами, так как исцелять людей можно только именем Иисуса Христа. При следующих встречах епископ не переставал убеждать врача, чтобы тот попробовал исцелять именем христианского Бога. Однако Пантелеймон, чрезвычайно одаренный лекарь, чуждался христианских способов врачевания. К тому же его недавно избрали главой антиохийской коллегии врачей, архиятром, и ему не хотелось рисковать своей репутацией, навлекая на себя насмешки коллег. Однако он стал все чаще задумываться, даже во время прогулок, над чудесами, творимыми христианским Богом; о них очень горячо рассказывал ему при встречах епископ Мнестор. И вот однажды, возвращаясь с прогулки через кварталы, где ютилась беднота, Пантелеймон услышал громкие крики и плач. Во дворе полуразвалившейся хижины, откуда они неслись, толпилось множество народа. Врач вошел, и ему рассказали, что подростки во время гимнастических состязаний вдруг стали дразнить христианином лучшего дискобола. Завязалась драка, в которой бедняге переломали ребра. Уже полдня он лежит во дворе не дыша, а мать его, вдова ткача, не имея денег, чтобы нанять плакальщицу, оплакивает его сама, на все лады проклиная христиан.

– Неужели в этом виноваты христиане? – удивился врач. – Разве они убили твоего сына?

– Конечно, виноваты они, – ответила женщина. – Если бы их вовсе не было, никто не стал бы убивать моего мальчика!

Врач задумался. А что, если на этом бедняге проверить способ, настойчиво рекомендуемый епископом? Правда, юноша этот не христианин, но тем большее уважение заслужит христианский Бог, если проявит к нему великодушие. Если же опыт не удастся, осрамится Христос, а репутация врача останется незапятнанной, поскольку никто в толпе его не знает.

Пантелеймон подошел к смертному ложу несчастного юноши, под которое приспособили ткацкий стан. Врач осенил больного крестным знаменем и, взяв за руку, повелительно произнес:

– Именем Иисуса Христа, встань!

Юноша вздрогнул, в испуге широко открыл глаза и поднялся на ноги так быстро, что под ним развалилось ложе. Уверенный, что христианский Бог наставил его на путь истины, Пантелеймон тотчас явился к епископу и надел белый хитон оглашенных. Приняв христианство, он облекся в грубую власяницу в знак покаяния за безбожное прошлое. От должности архиятра он отказался, чтобы все свое время посвятить лечению нищих и бедняков; им он постепенно роздал и свое состояние.

Пантелеймон уже давно перестал лечить больных из высшего общества, и потому был крайне удивлен, когда его позвали к императрице.

– А ты не ошибаешься? – спросил он явившуюся к нему прислужницу. – За мной ли тебя прислали?

– Моя госпожа нобилиссима приказала позвать первого попавшегося врача. Одна старуха, у которой я спросила на рынке, назвала мне тебя. Она сказала, что ты воскресил из мертвых ее сына. Идем же скорей, идем!

Пантелеймон усмотрел в этом десницу Божию и без дальнейших рассуждений отправился с прислужницей во дворец. На форуме он потерял ее в шумной толпе и у входа во дворец попросил одного из рабов показать дорогу.

Старый раб довел его до первой колонны перистилья<sup>78</sup>.

– Отсюда пусть Господь укажет тебе дорогу, – сказал он, – мне вход сюда запрещен.

Пантелеймон прошел во внутренние покои, и его никто не остановил. Прислужницы, когда императрицу навещала дочь, уходили к себе посудачить.

У входа в спальню врач остановился, напряженно вслушиваясь в тихие рыдания. Войдя, он увидел двух женщин, которые, склонившись друг к другу, горько плакали.

<sup>78</sup> Перистиль – прямоугольный двор, сад, площадь, окруженные с четырех сторон крытой колоннадой.

Услышав шаги, обе затихли, и та, что моложе, спросила:

– Кто ты?

– Врач.

– Кто прислал тебя?

– Бог.

Другая женщина простонала:

– Разве есть Бог, который еще не отвернулся от меня?

– Мой Бог не отворачивается от страждущих.

Валерия внимательно посмотрела на врача, так странно одетого.

– У тебя какой-то свой Бог?

– Он не только мой. Это Бог всех, кто верит в Него. Уверуйте вы, Он станет и вашим.

– Имя твоего Бога?

– Его называют просто Богом. Ему не нужно имени, потому что Он един. А сына Его едиnorodного, умершего за нас, зовут Иисусом Христом.

Императрица, рыдая, воскликнула:

– Я тоже родила бога!.. Куда он делся?.. Ради кого умер?

Врач обратил к ней спокойное, просветленное лицо.

– Так и Мария плакала о Сыне своем.

– Мария?

– Матерь Божия, родившая Иисуса... Его распяли на кресте, и Он умер, но потом воскрес. Она может утешить горе любой матери.

Августа широко открытыми глазами пристально рассматривала вдохновенное лицо врача.

– А меня какой бог утешит? – с горькой усмешкой воскликнула Валерия.

– Тот же, который послал меня к вам... Боги, которым поклоняетесь вы, не могут дать утешения, потому что не умеют страдать. Они могут только радоваться. Но страждущие глухи к радости. А мой Бог может утешить целый мир, потому что Сам пострадал за него.

Врач достал из капюшона власяницы небольшое распятие.

– Вот это я оставлю вам в защиту и утешение. На ночь кладите его в изголовье, и Он оградит вас от дурных снов. А когда на глаза навернутся слезы, возьмите его в руки, и ваши сердца исполнятся тихой радости.

Обе женщины перестали плакать и напряженно слушали странные речи врача – так еще никто с ними не беседовал.

– Как тебя зовут? – спросила императрица, никогда не интересовавшаяся именами даже самых высокопоставленных сановников.

– Я – Пантелеймон, врач антиохийских нищих... Да будет с вами Бог: ведь и вы нищие.

И врач ушел, оставив на одеяле распятие. Валерия взяла его в руки.

– Но это просто деревяшка! – удивилась она.

– Деревяшка? – равнодушно переспросила императрица, чувствуя, как тяжелеют ее веки. – А ты, дочка, не хочешь поспать?

– Я так устала, мама!

– Ложись рядом со мной... Посмотри, как мало нужно мне места.

– Какая ты хорошая, мама, – мягко проговорила Валерия, ложась на край кровати и обнимая мать. – Я снова превратилась в твою маленькую дочку... и теперь такой уж останусь.

– Милая моя дочурка, – ласково пробормотала императрица. – Куда ты его спрятала?

– Крест? Под подушки: пусть лежит в изголовье, как советовал врач.

Вскоре они крепко заснули. Не разбудило их даже гроыхание лестницы, которую садовник Квинт переносил по атрию, приводя в порядок цветы, украшавшие колонны. В помощь себе он взял Квинтипора, который после обеда зашел навестить родителей.

– Пойдем со мной, поработай. Пускай твой хозяин не говорит, что ты, как и другие шало-паи, даром ешь его хлеб.

Забравшись на лестницу, старик снимал корзины, в которых нужно было сменить цветы, и подавал их Квинтипору.

– Сюда поставь безвременниц, – сказал он, опуская круглую корзинку. – Вон те лиловые колокольчики...

Но корзины никто не принял. Квинт, не оборачиваясь, раздраженно крикнул:

– Ну, пошевеливайся!.. Оглох, что ли, с тех пор как важным господином стал?

Старик был одноглаз, ему пришлось совсем повернуться назад. Он никого не увидел. Сердито ворча, он начал спускаться с лестницы. И только оказавшись на земле, услышал шаги Квинтипора. Юноша нес в руках длинные ветки, среди белых цветов-звездочек ярким золотом улыбались крохотные апельсины.

– Ты что, лунатик? Где тебя носило?.. А ветки эти хороши будут на капитель.

– Хотел воды найти, сбрызнуть их, а то уж привяли чуть- чуть.

– Куда же ты ходил за водой?

– Я видел поблизости колодец.

– А у себя под носом не видишь?.. Вон она, вода, в имплювии, посреди двора. Видно, нельзя тебя одного на смотрины пускать... Клянусь пупком Артемиды, это одна из граций!

В воротах появилась Титанилла. Протянув руки вперед, она шла прямо к ним.

– Что ж ты убежал с цветами, Квинтипор? Разве они не для меня? Или ты нас не заметил? Я звала тебя... Мы с Варанесом сидели там в павильоне... Ты мне даришь их? Ух, какие тяжелые!.. Пойдем, отнеси в мою комнату!

Квинт задорно щелкнул пальцами.

– А я-то думал, этому хитрецу и впрямь помощь на смотринах нужна. Ну, парень, губа у тебя не дура! Да и ты, плутовка, тоже не промах. Значит, хочешь и парня красивого заполучить, и цветы тоже? Парня, пожалуй, бери, я не против. А цветы оставь: они не для такой пигалицы выращены... Иди, нюхай со своим дружком мяту.

Садовник хотел щелкнуть нобилиссиму по носу, но Квинтипор, стоявший позади девушки и тщетно пытавшийся знаками предупредить отца, вовремя схватил его за руку.

– Отец, неужели ты не видишь, кто перед тобой?! Это дочь цезаря, нобилиссима!

Квинт крякнул от удивления.

– Госпожа моя! Ты видишь, я одноглазый. Но императору да старухе своей я и такой гожусь. Ты сама виновата, красота твоя лишила зрения и последний мой глаз.

Нобилиссима потрепала старика по щеке и, улыбнувшись, обратилась к юноше:

– Слышал, Квинтипор? Поучись, как надо разговаривать с женщинами!

## 7

Тысячекилометровый путь из Никомидии в Антиохию императорские курьеры проделывали менее чем за десять суток. Императору вместе с личной гвардией и значительной частью двора для этого потребовалось почти столько же недель. Плыть морем было бы и удобнее и быстрее, но Диоклетиан не случайно предпочел сухопутье. Он хотел лично проверить, можно ли полагаться на отчеты наместников провинций. Вообще недоверие было положено в основу реформированного им управления государством и в целом давало хорошие результаты. Каждый государственный служащий обязан был следить за другим: за префектом претория пристально следили его викарии, много внимания уделяли друг другу в этом смысле наместники провинций и прокураторы, и даже последний писарь мог быть тайным осведомителем императорской канцелярии. Систематическим шпионажем занимались по долгу службы курьеры, доставлявшие во все концы империи официальные распоряжения, собирая попутно неофициальные донесения и слухи. Это были глаза и уши императора. Самые привилегированные из них – курьезии – не только обладали значительной властью, но и были гораздо богаче высокопоставленных сановников. Большую часть чиновников государство оплачивало натурой, снабжая мелких служащих питанием и одеждой; те, кто повыше, получали еще серебряные столовые приборы и наложниц. Но курьезии имели значительные денежные доходы не от государства, а от общин. Каждая община была обязана выдавать курьезию определенную плату за сообщения о радостных событиях: о победах, об учреждении новых праздников, о юбилеях августейшей фамилии или о добром здравии императора.

Теперь курьезии заранее предупреждали население городов и сел о приближении его божественности. Так что Диоклетиан имел возможность воочию убедиться, что со времен основания Рима у Римской империи не было повелителя столь обожаемого. Где бы он ни появлялся, двигаясь по заранее тщательно разработанному канцелярией дворцовых служб маршруту, всюду его встречали такими же церемониями и торжественными речами, какими встречали бы сошедшего на землю Юпитера. С одинаковым трепетом склонялись перед его статуями на форумах делегации от разных школ, корпораций и ремесленных коллегий. С таким же благоговением падали перед ним ниц в городах децемпримы во главе с городским префектом, а в деревнях – декурионы. За ними дружно, как по команде, валились головой в дорожную пыль празднично одетые свободные земледельцы и мелкие арендаторы, которые на положении колонов работали в императорских поместьях или в огромных латифундиях.

Молчаливо выслушивал император приветственные речи, и хотя все они были на одну колодку, лицо его выражало явное удовлетворение. Оно подтверждалось, между прочим, и тем, что Диоклетиан щедро раздавал мелкие деньги, которые, не причиняя ущерба казне, делают человека на всю жизнь счастливым, особенно если ни один из этих грошей не достался ни врагу, ни другу. Кроме того, император многих произвел в ассесоры и президы, а некоторых даже в комиты, что считалось наивысшей наградой. Счастливые, произведенные в этот чин, имели право называться лицами, сопровождающими императора, хотя август никогда не прибегал к их услугам. Зато награжденные обязаны были в знак благодарности воздвигнуть портик общественного пользования, или украсить площадь новым фонтаном, или оплатить расходы по устройству очередных цирковых представлений.

В самом начале пути, в Дорилее, по поводу присвоения чинов произошла небольшая неприятность. Через день после отъезда императора из этого города курьезии донесли ему, что дорилейский претор в таблицу о производстве в комиты, кроме лиц, представленных легатом, самочинно вписал четырех человек, которые хорошо ему заплатили. Подделка священнейшего волеизъявления расценивалась как оскорбление его величества, и император, опустив предпи-

санное законом судоговорение, вынес приговор единолично. Он повелел: на игрищах, которые устроят награжденные им, бросить на растерзание диким зверям мздоимца и мзодателей.

Случилось и еще одно нарушение предусмотренного порядка, тем более досадное, что привлечь к ответу было некого. Император сам допустил оплошность. Никому никогда не приходило в голову, чтоб он заговорил с кем-либо из своих подданных. А он возьми и спроси одного декуриона, аккуратно ли поступают налоги в его деревне. По новому положению о своевременном сборе податей должны были заботиться в первую очередь декурионы, как самые богатые, способные отвечать за недоимки своим личным состоянием, представители общины. Декурион заверил императора, что все его подданные с величайшим воодушевлением исполняют свои обязанности. Довольный Диоклетиан милостиво похлопал землевладельца по плечу и спросил:

– Давно ты из армии? Эти шрамы – память армянского похода, не так ли?

– Наша провинция – императорская и освобождена от рекрутских наборов... – начал было декурион, но умолк, видя, как энергично стали делать ему знаки стоявшие позади императора вельможи: одни давали понять, что он должен только поддакивать императору, другие пытались предупредить беднягу, что если император скажет «нет», ни в коем случае нельзя говорить «да». Окончательно растерявшийся декурион, заикаясь и путаясь, ответил, что в армии не был, а шрамы на его лице – следы бичевания, которому по распоряжению квесторов подвергли его ликторы<sup>79</sup>, чтобы он с большим рвением взыскивал недоимки.

Император повернулся к нему спиной, решив про себя, что на всем пути до самой Антиохии больше никого не удостоит своей беседой. Но в одной деревне после восторженной речи официального оратора о всеобщем благоденствии один колон подполз к августу на животе и, облобызав его пыльные дорожные сандалии, воскликнул:

– Смилуйся, божественный государь!.. Другие боги не в силах помочь мне.

Император равнодушно произнес:

– Не богохульствуй! Говори, в чем состоит просьба.

Колон рассказал, что он всю жизнь работает на императорской земле, но женился на дочери крестьянина, арендующего землю у крупного землевладельца. Было это двадцать лет назад, тогда колонны могли при желании менять хозяев. Потом был издан закон, упразднивший право свободного переселения. Пока шли войны и рабы были дешевы, землевладельцы не нуждались в рабочей силе. Но вот Диоклетиан восстановил мир, приток рабов прекратился, и землевладельцы оказались вынужденными сдавать свои земли в аренду. Мелкий арендатор копался в земле до тех пор, пока не собирал средств, достаточных для того, чтобы стать свободным крестьянином. Все большие площади из года в год оставались невозделанными. Для спасения крупных землевладений понадобилось вмешательство самого императора. Особый закон запретил колонам выкупать наделы и менять хозяев. Колон и его потомство навечно закреплялись за арендованным участком земли и становились крепостными землевладельца.

– Ну вот, – жаловался крепостной, припадая к стопам императора, – хозяин жены нынче требует свою долю – половину моей семьи. Неужто твоя божественность позволит, чтобы моих деток разделили на две части, как поросят или телят?!

Император на мгновение прикрыл глаза.

– Сколько у тебя детей?

– Двое: мальчик и девочка. Сына-то и хотят у меня отнять: он уже подросток, работать может.

– Дарую свободу тебе... и твоей жене. Можете идти куда хотите.

---

<sup>79</sup> Ликторы – в Древнем Риме служители, сопровождавшие и охранявшие высших магистратов (консулов, преторов, цензоров и др.).

Не только люди, но и боги задерживали продвижение императора. По дороге то и дело попадались то облупленная статуя какого-нибудь божества, то обветшалый храм, то необычной формы придорожный камень с углублением для жертвенных возлияний, то дуплистое дерево, украшенное пестрыми лентами, – и все это непременно требовало остановки.

К тому времени богов в Римской империи было, пожалуй, не меньше, чем граждан. На светлый Олимп были допущены сумрачные, суровые божества варваров, и олимпийские старожилы постепенно смешались с пришельцами, разделив, таким образом, судьбу своих почитателей на земле. От римского народа осталось, в сущности, одно название. На протяжении веков бесконечные гражданские войны, проскрипции и разнузданные безумства правителей истребили его лучшую часть. Неполноценный остаток, растворившись в море народов, населявших империю, придал им лишь очень бледную римскую окраску, но превратить эту огромную разношерстную массу в римлян уже не мог. Из неизведанных глубин в туманные выси поднялись пышные побег мистических восточных и южных культов и заслонили собой древнейшие божества, олицетворявшие силы природы. От Геркулесовых столпов<sup>80</sup> до Паропаниса люди еще клялись умашенной головой Зевса, серебряным луком Аполлона, безупречным бедром Афродиты, но эти клятвы были лишены чувства. Храмы этих богов были пышней, чем когда-либо прежде, но сами боги покинули свои святилища, отступая перед несущими новое слово новоявленными божествами, от которых люди жаждали решения сокровенных вопросов, даже не возникавших во времена безраздельного господства богов-олимпийцев. Великие древние боги, в такой изумительной гармонии правившие небом и землей, безнадежно распались на мелкие части, из которых их когда-то составили дорийские воины, аттические земледельцы, ионийские рыбаки и латинские скотоводы. Все пространство от звездного неба до мрачного Тартара<sup>81</sup> кишело духами, злыми и добрыми, равно державшими в вечном страхе стада человеческие. Демоны были повсюду: в лесах и реках, в озерах и ветрах, в животных и камнях. И что бы с человеком ни приключалось: ушибет ли он локоть, потеряет ли лошадь, найдет ли клад на своем поле – все это обязательно приписывалось демонам, точно так же, как засуха или град, мор или обильный урожай. Мир, погрязший в рабстве и заслоненный от повелителя его приближенными, сделал и богов императорами, отделив их от себя несметными полчищами всяких демонов, перед которыми нужно было заискивать еще больше, чем перед самими богами. Восседают ли эти боги на троне из слоновой кости или скачут, козлоногие, по полям и лесам, им решительно все равно, хороши люди или плохи, правдивы или лживы, чисты или не чисты на руку, непорочны или блудливы. Нет им дела и до того, в каких отношениях эти люди с другими богами. Каждый бог ревниво следит только за тем, чтобы смертные в дыму жертвоприношений ничего не упускали, в строго разработанных церемониях воздавая ему все, что полагается, и в молитвах не уклоняясь от предписанного текста. Между богами и людьми установились тщательно регламентированные деловые отношения. Если человек всячески угождает богам, то и они благоволят к нему, покровительствуя ему во всех начинаниях и оказывая поддержку в борьбе с врагами, будь этими врагами даже не люди, а боги. Тому же, кто проявит к ним небрежение или, хотя бы случайно, оскорбит их, боги беспощадно мстят. Гибель Трои была неизбежной потому, что на свадебное торжество Пелея и Фетиды не была приглашена Эрида, а Диана потребовала от Агамемнона жизнь его дочери за то, что он по ошибке подстрелил на охоте лань, посвященную богине.

Правда, разные философские школы в своих изобличениях тоже не щадили богов, но и не причиняли им серьезного ущерба, поскольку большинство философов были бездомными бродягами. Да и борьба их была бесперспективной, потому что вместо разрушаемого они не смогли возвести даже подходящего укрытия, под которым каждому человеку нашлось бы

<sup>80</sup> Геркулесовы столпы – древнее название Гибралтарского пролива. Финикийское название – Столбы Мелькарта.

<sup>81</sup> Тартар – в греческой мифологии бездна в недрах земли, куда Зевс низверг титанов. Царство мертвых.

место. В умах лишь немногих людей философам удалось добиться кое-каких, весьма смутных, проблесков, в голове же огромного большинства по-прежнему царила непроницаемая тьма, в которой надежно укрывались сонмы демонов, нимало не опасаясь за свое существование. Положение богов было так прочно, что своих врагов-философов они даже не удостоивали особой мести. Конечно, попадались мудрецы, которым все же приходилось вручать чашу с ядом или забрасывать их камнями, но было немало и таких, которых боги покарали лишь чрезмерным долголетием.

Впрочем, Диоклетиан не был философом и не вполне ясно представлял себе, кто такие люди, предающиеся этим занятиям. Хотя бюст Марка Аврелия и стоял в его ларарии, но вовсе не потому, что у императора была причуда что-то читать и даже писать, когда не спалось. Диоклетиан чтит этого философа как великого и счастливого императора, которого ставил себе в образец, а в искусстве правления хотел бы даже превзойти. Великий предшественник получил в управление цветущую империю в готовом виде, а Диоклетиану пришлось строить ее заново. Строить не из обломков, – Диоклетиан прекрасно видел, что столетний хаос не только разрушил империю, но и перемолол ее всю без остатка, как жук-древоточец – корни срубленного леса. Он решил на старом месте создать империю по старому образцу, но из нового материала. Правда, камни, из которых возводилась империя, не всегда удавалось подогнать друг к другу, как хотелось бы, однако колоссальное здание было все-таки воздвигнуто, и Диоклетиан мог по праву считать себя наместником Юпитера на земле. И если во всей мировой империи существовал человек, искренне веривший в древних богов, – то это был сам император. Он никогда не пробовал доискиваться до их сущности, да и не мог сомневаться в богах, чье покровительство он с самого начала своего владычества явственно ощущал на каждом шагу. Боги поддерживали его не только в делах, но и во всех помыслах. Что бы ни пришло ему в голову, боги тотчас одобряли это. Правда, благоволения богов пришлось долго ждать, хотя из нищеты, в которой Диоклетиан родился, он выкарабкался с их помощью довольно быстро. Но, безостановочно поднимаясь по лестнице успехов, сын вольноотпущенника не скоро достиг высшей ступени. Особенно долго боги держали его на предпоследней, словно все еще сомневаясь, достоин ли он быть принятым в их вечное царство. Диоклетиан страдал не от того, что ему до поры до времени приходилось довольствоваться водой; его бесило, что тем временем люди ничтожные большими глотками пьют у него на глазах божественный нектар. Много, очень много терпения потребовалось ему, пока наконец боги отвернулись от недостойных и пригласили его к столу, наказав при этом своему виночерпию ни на мгновение не оставлять его кубок пустым, чтобы вознаградить императора за долгие годы томительной жажды.

Процессия приближалась к Пессину, богатому городу Галатии<sup>82</sup>, где, как предусматривалось, к ней должен был присоединиться Максимиан, чтобы в Антиохию оба августа въехали вместе. У северных ворот Пессина императору сообщили, что западный август прибыл в город накануне вечером. Диоклетиан, не входя в город, повернул на юг, к горе Диндим, склоны которой были всегда окутаны густыми дурманящими парами горячих ключей. Туда, где имелись горячие источники с испарениями, приводящими людей в экстаз, достаточно было явиться нескольким предприимчивым жрецам, чтобы какой-нибудь бог немедленно назначал этот район местом своего постоянного пребывания. Пессин с незапамятных времен был облюбован матерью богов Кибелой<sup>83</sup> для своего оракула. Образ Великой Матери, которая произвела на свет самого Зевса, а потом родила ему дочь, был окружен величайшей таинственностью. Она не требовала от своих жриц девственности, но жрецов допускала к себе только оскопленных, а в жертвы с восторгом принимала быков. Из всех обитателей Олимпа только Кибеле – может быть, именно благодаря необычайной иступленности ее мистерий – удалось, перед

<sup>82</sup> Галатия – область в центральной части Малой Азии. С 25 г. до и. э. в составе Римской державы.

<sup>83</sup> Кибела – в греческой мифологии богиня фригийского происхождения, близкая по своим функциям богине Рее.

лицом новых богов, почти целиком сохранить свою популярность. Римское государство учредило в ее честь самые большие ежегодные празднества – мегаленсии, длившиеся целую неделю. К ее храму в Пессине, построенному, по уверениям жрецов, еще царем Мидасом, тянулись вереницы пилигримов из Испании и с дальних окраин Германии.

У входа в святилище Диоклетиан вышел из носилок и без свиты, как простой паломник, медленно поднялся по стертým ступеням, чтобы выразить этим свое преклонение перед Великой Матерью, которая когда-то из этого храма проводила его в путь, ведущий к трону вселенной.

Еще молодым центурионом, возвращаясь однажды с охоты, Диоклетиан впервые посетил этот храм, нимало не предчувствуя своего будущего. Со скромной, в соответствии с получаемым жалованьем, жертвой, но зато с чистым сердцем подошел он к алтарю Кибелы, горделиво восседающей в колеснице, запряженной львами. Кроме благовоний, он мог предложить богине в жертву сожжения лишь небольшого кабана – свой охотничий трофей. Одна из жриц – Диоклетиан и сейчас видел перед собой ее сверкающие глаза, седые волосы под ритуальной повязкой и перекинутую через правое плечо двуххвостую плетъ для самобичевания – крикнула ему: – Эй, центурион! Знай, что ты обязан Великой Матери жертвой побольше!

Так как молодой воин уже отошел от алтаря, он позволил себе, показав пустые ладони, ответить жрице с улыбкой:

– Пресвятая мать! Ты видишь, сейчас у меня больше ничего нет... Вот стану императором – возьму все сполна!

Глаза жрицы так сверкнули, что Диоклетиан зажмурился.

– Знай! Ты будешь императором... когда убьешь настоящего вепря!.. И если хочешь властвовать – не забывай богов!

С этой минуты наемный солдат из Далмации резко изменился. Раньше если он и задумывался о будущем, то в самых дерзостных мечтаниях мог представить себя лишь в родной деревне, благополучно отслужившим срок и в качестве ветерана избранным в совет сельской общины. Но после предсказания жрицы помыслы его сосредоточились на императорской мантии. Он не мечтал, а просто помнил о ней и готовился ее надеть. Придя к власти, он сумел провести огромные преобразования за каких-нибудь полтора десятка лет, потому что, вступая на трон, имел уже готовый, основательно продуманный план действий. Он не знал, когда созреет золотое яблоко, но твердо знал, что сорвет его. Не потому, что это и до него удавалось людям, которых он не считал выше себя. Пертинакс<sup>84</sup>, например, был сыном углежога. Максимиан Фракиец – дровосеком, Филипп Аравитянин<sup>85</sup> – погонщиком верблюдов, а Септимий Север – невольником с пробитым ухом. Но Диоклетиан даже не стремился сравнивать себя с ними. Он просто должен был стать императором, раз такова воля богов, изреченная в Пессине. В ту пору по любому поводу жители земли ждали указаний от небожителей. Не спросив соизволения богов, корабельщик не поднимал паруса, крестьянин не приступал к жатве, полководец не начинал сражения, муж не входил к жене для продолжения рода. Диоклетиан же получил откровение божества, не прося об этом, и с его стороны было бы кощунством хоть на минуту усомниться в истинности его.

О своем предназначении он, разумеется, никому не рассказывал: нельзя злоупотреблять доверием богов! По-прежнему оставался хорошо знающим свои обязанности добросовестным солдатом. Товарищи заметили в нем только одну перемену: с некоторых пор на охоте он не поднимал копыя ни на какую другую дичь, кроме кабана. Сначала над этой его странностью подтрунивали, но потом привыкли и перестали: в конце концов у каждого охотника свои причуды.

---

<sup>84</sup> Пертинакс – римский император (193 г.).

<sup>85</sup> Максимиан Фракиец – римский император (235–238 гг.). Филипп Аравитянин – римский император (244–249 гг.).

Единственной живой душой, которую он посвятил в тайну своего будущего, была его жена, сирота, дочь разорившегося патриция, как говорили, из некогда знаменитого рода Сципионов<sup>86</sup>.

Вместо свадебного подарка Диоклетиан пообещал ей:

– Я сделаю тебя матерью императора!

Но шли годы, а Приска оставалась матерью одной только девочки. И хотя Диоклетиан стал уже наместником Мезии<sup>87</sup> и получил звание консуляра, никаких признаков приближения к трону не было видно. За это время он потерял счет убитым кабанам, а в пурпуровую мантию чуть не каждый год облачался новый властитель.

Приска не раз укоряла мужа:

– Ты приносишь с охоты одних кабанов, а лакомятся ими другие.

Вера Диоклетиана была несокрушима.

– Может быть, прежде чем я убью настоящего вепря, у меня выпадут все зубы, но рано или поздно боги исполнят свое обещание.

Командуя гвардией на войне с персами, Диоклетиан узнал, что Приска на десятом году их супружеской жизни родила наконец сына. Неясное чувство подсказало ему, что это радостное событие – предвесье: боги возвещают, что близится час свершения их предначертаний.

Неясное чувство не обмануло его. Когда вследствие дурных предзнаменований пришлось выводить легионы из Персии, вдруг, при весьма загадочных обстоятельствах, умер молодой император Нумериан. Ходили слухи, будто императора с какой-то целью отравил его тесть, начальник штаба Апер. По требованию легионов у Халкедона перед лицом всей армии собрался военный трибунал для расследования дела. Следствие возглавил Диоклетиан, после самого обвиняемого наиболее влиятельный из полководцев.

– Апер! – решительно начал он свой допрос – и тут же его потрясло прозвучавшее имя.

«Но ведь Апер – значит кабан! – шепнул ему на ухо тайный голос— Вот он, настоящий вепрь! Кабан твоей судьбы!»

Диоклетиан никогда не обращал внимания, что начальник штаба носит это роковое имя, с которым пессинский оракул связал его, Диоклетиана, судьбу. Но тут он понял, что, волею богов, его час настал. Выхватив меч, он пронзил Апера, так что тот и рта не успел раскрыть в свое оправдание.

– Клянусь, он – убийца нашего императора! – воскликнул Диоклетиан.

Под впечатлением минуты солдаты немедленно одобрили это ускоренное судопроизводство. Кто-то крикнул: «Да здравствует император!» – вокруг подхватили, и вот из пятидесяти тысяч солдатских глоток грянуло имя нового императора.

Естественно, что, после того как боги все-таки исполнили свое обещание, его вера, так щедро вознагражденная, стала еще неколебимее. Взойдя на престол, он через несколько месяцев опять почувствовал над собой божественную эгиду, когда удалось растоптать в прах Нумерианова брата – презренного Карина, который, опираясь на западные легионы, посягнул на императорскую порфиру. Если раньше Диоклетиан только надеялся на покровительство богов, то теперь убедился на деле, что они – его могущественные союзники, и почувствовал к ним искреннюю благодарность. Вот почему так заботливо исполнял он все богослужебные обряды, а в шорохе листвы, внезапном крике птицы, более ярком или слабом мерцании звезд видел проявление божественной воли. Для толкования этих предзнаменований он держал при дворе сведущих ученых.

---

<sup>86</sup> Сципионы – знаменитый патрицианский род. В истории Рима особенно прославились два Сципиона Африканских (Старший и Младший) – полководцы эпохи Пунических войн (III–II вв. до н. э.).

<sup>87</sup> Мезия – область между Нижним Дунаем и Балканами, находившаяся с конца I в. до н. э. под властью Рима.

Никто из блистательного общества, собравшегося в ожидании императора перед зданием пессинского муниципия, не подозревал, какие глубокие чувства волнуют сейчас императора. Меньше других мог представить себе это Максимиан, старый солдат с дряблым, старушечьим лицом, пытавшийся молодцеватостью осанки сделать не столь заметными свои морщины. Путь из Медиолана в Азию второй август проделал на коне во главе отряда телохранителей. Правда, его сопровождали также двое носилок, но из одних выглядывала молодая вдова недавно обезглавленного римского сенатора, а из других – рыжая квадская принцесса.

Два божественных государя обнялись и поцеловались. Рыжая принцесса не успела вовремя укрыться в глубине своих носилок, и Максимиан заметил, что взгляд императора на мгновение задержался на ней.

– Это в интересах государства! – подмигнув, объяснил он. – Нельзя упускать заложников... А другая – вдова сенатора... Я наследовал все его имущество и хоть из приличия должен позаботиться о бедной вдовушке.

В семейной жизни Диоклетиан был всегда безупречен. Он издал несколько законов для укрепления нравственности, подписанных и его соправителями. При других обстоятельствах он, конечно, напомнил бы Максимиану об этом, но в теперешнем настроении постарался сделать вид, будто болтовня старого товарища забавляет его.

Собравшаяся для встречи императора знать благоговейно ожидала на почтительном расстоянии, пока два властелина обменяются мнениями о положении дел в империи. Подданные могли быть спокойны: оба божественных лика сияли довольством и благодушием.

Вдруг окружающие расступились: к августам, во главе своих гаруспиков<sup>88</sup> и авгуров, направлялся придворный верховный жрец Тагес. Толстяк в сверкающей драгоценными камнями митре, увешанный расшитыми золотом лентами, нес на вытянутых вперед ладонях прикрытую красным платком серебряную чашу.

– Божественнейшие государи! – воскликнул он, опускаясь на колени. – В святом городе Великой Матери боги приветствуют вас вот этим чудом!

Один из авгуров сдернул с чаши платок, в ней оказалось большое, пурпурного цвета яйцо. Его снесла утром священная гусыня при храме Юпитера Капитолийского.

– И что это означает, Тагес? – почтительно разглядывая яйцо, спросил Диоклетиан.

Подняв на императора заплывшие жиром глаза, верховный жрец торжественно произнес:

– Это означает, что боги ликуют, глядя на ваши багряницы!

– Оно совсем легкое! – удивился Максимиан, вынув яйцо из чаши.

Слегка нахмурившись, но сохраняя достоинство, Тагес пояснил:

– Так же легко и вы, милостью богов, несете тяжелое бремя своих багряниц!

Из носилок послышалось негромкое покашливание: видимо, квадской принцессе не терпелось посмотреть на чудо.

– Сейчас покажу! – улыбнулся ей влюбленный старый ребенок.

Он уже направился к ее носилкам, но из других послышалось шипение. Потом из-за легких шелковых занавесок протянулась холеная белая ручка в браслете и кольцах. Вдова желала увидеть чудо прежде своей спутницы, которая хоть и принцесса, но еще не матрона.

– Сейчас, сейчас! – метнулся в ее сторону Максимиан, резко взмахнув рукой.

Яйцо выскользнуло из пальцев старика и разбилось о мозаичный пол. Подскочивший Тагес не успел его поймать.

– Грозное знаменье! – в страхе зашептались вокруг.

– Да оно пустое! – с изумлением воскликнул Максимиан, обращаясь к императору.

Тщательно собирая скорлупки в серебряную чашу, Тагес успел найти выход:

---

<sup>88</sup> Гаруспики – в Древнем Риме жрецы, гадавшие по внутренностям жертвенных животных и толковавшие явления природы. Авгуры – жрецы, толковавшие волю богов по наблюдениям за полетом и криком птиц.

– Чудо совершилось полностью! Все содержимое яйца впитала в себя порфиновая скорлупа. Значит, богам угодно, чтобы вся империя была под сенью вашей порфиры!

Несмотря на благоприятное истолкование, случившееся заставило Диоклетиана глубоко задуматься. Яйцо цвета крови могло знаменовать и войну. Император не хотел, чтобы империя на закате его дней утонула в крови. Большую часть своей жизни он провел на полях сражений и, как всякий сильный правитель, нимало не боялся крови. Он твердо знал, что надежнее крови нет средства, цементирующего власть; ни малейшее сомнение никогда не удерживало руки его при подписании смертного приговора. И вдруг теперь он почувствовал в себе какую-то перемену, для него самого совершенно непостижимую. Ему стало неприятно смотреть даже на вечернюю зарю, которая цветом своим напоминала кровь.

Он спешно послал гонца в Дорилей с указом о помиловании присужденных к растерзанию дикими зверями. Казнь заменялась для претора работами в рудниках, а для взяточдателей – ссылкой. Когда Диоклетиан подписывал указ, ему пришло в голову, что за всю его жизнь это, пожалуй, первый случай, когда он помиловал осужденного. Но тотчас вспомнил, что в эту же поездку даровал свободу семье колона. Ведь отнять у отца родного сына – это равносильно смертному приговору. Император удивился: откуда взялась эта мысль? Не то чтоб он считал себя злым человеком: просто он раньше никогда не чувствовал, что имеет какое-то отношение к людям. Он император, повелитель вселенной, и, как Зевс-громовержец никогда не подсчитывал, сколько растет на земле былинки, так и он не обращал никакого внимания на попираемые его стопой былинки – человеческие жизни. Видимо, подобные перемены несет с собой неизбежная старость. Когда человек идет под гору, его горизонт постепенно сужается: бесконечные дали исчезают в тумане, а по мере приближения к ним мелочи неизмеримо разрастаются. Насколько мог судить сам Диоклетиан, дату рождения которого никто точно не знал, ему скоро должно было исполниться пятьдесят восемь.

Но если у одного повелителя вселенной самая мысль о крови вдруг стала вызывать отвращение, то другому пришла охота потолковать о недавних кровопролитиях. Максимиан спросил императора, знает ли он историю Фиванского легиона. Ему эту историю напомнил лесной пожар, мимо которого они проезжали. Вихри искр и черного дыма стремительно неслись над желтыми нивами, оставляя за собой трепещущие огненные полосы. Диоклетиан не помнил, рассказывали ему о Фиванском легионе или нет. Второй август сообщил об этом очень подробно, самодовольно, с наслаждением, как обычно повествуют об увлекательных охотничьих приключениях, о которых вспомнить приятно.

Это произошло в Гельвеции<sup>89</sup>, при подавлении восстания галлов. Среди этих негодяев много безбожников, верующих в Иисуса Христа. Начальник пехоты доложил Максимиану, что солдаты Фиванского легиона заодно с галлами. Зная друг друга, и те и другие во время стычек стреляют в воздух. А после атак ни один фиванец еще ни разу не приносил отрубленных голов противника, хотя военная казна выкупает их по хорошей цене. Максимиан не очень верил этим рассказам, но для того, чтобы исключить всякие сомнения, решил испытать подозреваемый легион. Под Октодуром он окружил его другими частями и приказал, чтобы каждый фиванец вторично принес клятву повиновения у алтаря Марса. Тогда вышел вперед командир легиона Секундий и прямо заявил, что проливать христианскую кровь они не будут. Под пытками мятежник истек кровью, так же как и назначенный на его место Маврикий. Когда был казнен последний из командиров, Максимиан спросил солдат, кто из них, принес клятву повиновения, согласен принять жезл командира и подчинить себе остальных. Из рядов вышел старый солдат и от имени всего легиона сказал:

– Мы обещали за жалованье отдать вам свои жизни. Берите их: они ваши. Но никого из нас нельзя заставить лишиться своих братьев жизни, дарованной богом.

---

<sup>89</sup> Гельвеция – латинское название Швейцарии. Происходит от жившего здесь в древности кельтского племени гельветов.

За эту дерзость Максимиан приказал казнить каждого десятого. В мертвой тишине из шести тысяч шестисот отсчитали шестьсот шестьдесят человек и, согнав их вместе, засыпали стрелами.

Август рассказывал об этом с восторгом.

– Клянусь Геркулесом, это было зрелище получше всякого цирка. А в старика, говорившего от имени легионеров, никак не могли попасть. Он орал, что, дескать, чем сильнее стараются задуть искру, тем ярче она разгорается в пламя. Но после того как старику вбили гвоздь в висок, он таки унялся.

Максимиан продолжал свой рассказ о том, как из шести тысяч шестисот человек в конце концов не осталось ни одного. Но Диоклетиан его не слушал. Он понимал, что соправитель его действовал так, как требовал долг. На его месте он сам поступил бы точно так же. Но в то же время он чувствовал, что слушать этот рассказ больше не может. Отодвинувшись в глубь носилок, он попробовал заснуть.

Недалеко от Антиохии на пути встретила деревушка Апат. Курьезии, скакавшие впереди, чтобы предупредить избранных ораторов о необходимости быть готовыми, на этот раз вернулись совсем обескураженные. Отозвав в сторону начальника дворцовых служб, они предложили объехать эту деревню стороной: в Антиохию можно попасть иной дорогой. Однако начальник дворцовых служб категорически запротестовал. Он гневно заявил, что об изменении маршрута не может быть и речи. Это было бы вопиющим нарушением священного порядка. Он предупредил также, чтобы курьезии не вздумали своим предложением беспокоить Диоклетиана: император лучше всех знает, что порядок – основа основ, и любое посягательство на порядок приводит его в крайнее раздражение.

Процессия уже миновала здание сельской общины, не встретив ни души. Это показалось императору странным, но никто не мог дать ему удовлетворительного объяснения.

На южной окраине, где лепились нищенские мазанки, в одном из дворов забрехала собака. Император распорядился обыскать дом, и вскоре гвардейцы выгнали оттуда человек двадцать оборванных мужчин и женщин. Дрожа от страха перед сиятельными господами, они повалились в пыль. Но тотчас выяснилось, что эти люди прекрасно знают, с кем имеют дело. Сгорбленный лысый старик с белой, местами опаленной бородой промолвил:

– Смилуйся, государь! Не гневайся, что мы от тебя спрятались. У нас нет хорошей одежды, мы не посмели тебе показаться.

– Кто ты? – спросил император, с удивлением разглядывая старика. – Не Квинт ли? Ты как две капли воды похож на моего садовника.

– Он – мой старший брат, государь. Я же – маслобой Анфимий. А эти люди – моя родня. Братья и сестры во Христе. Я их пастырь.

– Значит, ты безбожник? – взревел Максимиан. – Да и остальные!

Старик ответил кротко, но решительно:

– Прости, государь, только сейчас, по твоему гневному слову, я понял, что ты кесарь. Но знай – мы не безбожники. Наоборот, кроме Бога, у нас ничего нету.

– Почему у тебя обгорела борода? – спросил Диоклетиан.

– Когда собирали подати, у меня сначала отняли маслобойку, потом – всю одежду, а потом стали пробовать, не годится ли моя борода на щетки. Но это уж они просто так, ради шутки.

– Где же остальные жители деревни?

– От податей сбежали... в город ушли побираться. Там, слышать, не мучают и хлеб даровой выдают. Уж не знаю, правда ли, а только ходят слухи, будто там и мясо раздают у алтарей бесплатно.

– А господа ваши, декурионы где?

– Испугались, что сборщики налогов будут их мучить, как они – нас, задумали к варварам бежать.

– А вы сами? – нахмурил брови Диоклетиан. – Вы почему не сбежали?

– Потому, что мы отдаем кесарю кесарево.

– Ты сказал, что у вас, кроме Бога, ничего нет.

– Ну да. Вот мы и молимся Богу за кесаря.

Максимиан так резко взмахнул жезлом, что тот рассек воздух со свистом.

– А мне говорили, что у христиан всюду сокровища запрятаны: ведь они на своего Бога ничего не тратят.

Старик обернулся и что-то сказал молодой женщине, одетой лучше других. По ее слову из задних рядов выползло пять оборванцев: две женщины и трое мужчин. Запрокинув головы, они вперили в августов неподвижные слепые глаза с гноящимися воспаленными веками.

– Вот наше сокровище – слепые, – указал на них Анфимий. – Бог поручил их нашим заботам, и мы делимся с ними последней крохой, чтобы по милости Божьей унаследовать царство небесное.

– Что же, сделка неплохая! – захохотал Максимиан.

– Дорофей, Горгоний! Выдайте им хлеба и одежду! – обратился Диоклетиан к своим свитским.

Он приказал носильщикам трогать. Максимиан посмотрел вокруг, ища взглядом носилки своих спутниц. Удивленный, спросил императора:

– У тебя в свите тоже безбожники?

– Почему?

– Лысый перекрестил их, а они в ответ – его.

– Может быть... Это их дело... Между прочим, двое, которых я позвал, – самые преданные среди моих слуг.

## 8

Сообщение придворного врача Синцеллия о том, что Пантелеймон с его знахарскими методами допущен к лечению императрицы, сильно взбудоражило коллегия антиохийских медиков. Отстранению главного врача втайне радовались все. Алчный и наглый, каким стал бы на его месте и всякий другой, Синцеллий был женат на дочери верховного авгура Тагеса, и боги, естественно, не могли пренебрегать столь влиятельным родством. Когда к ним через верховного жреца обращались за советом богатые больные, бессмертные неизменно указывали на Синцеллия как на врача, особенно любимого Эскулапом. Давно уже пора было богам порадовать о ком-нибудь другом. Тем не менее врачи не могли допустить, чтобы в священном дворце возобладали христианские предрассудки. Пока Пантелеймон именем своего бога лечил одну бедноту, это никого не возмущало, так как вознаграждать за свое лечение бедняки предоставляли богам. Но было слишком ясно, чем грозит доверие авгуры к лекарю нищих. Можно было сказать заранее, что придворная знать, несомненно, сочтет своим долгом последовать примеру императрицы, а состоятельные горожане, конечно, переймут распространяющуюся при дворе моду.

Однако предпринять что-либо против врача, примкнувшего к безбожникам, пока не представлялось возможным. Ни убедить, ни припугнуть императрицу не удавалось. Нужно было выжидать. Если Пантелеймон потерпит неудачу, то христианский Бог не спасет его от той участи, которая выпала ему самому. Если же колдовство удастся, то нужно все основательно взвесить. Может быть, специальная коллегия из авторитетных медиков решит причислить Пантелеймонова Бога к богам-исцелителям. Ведь некоторые иноземные боги в свое время были признаны не только обществом, но и государством: старые небожители слишком часто оказывались бессильными и проявляли несомненные признаки старческой немощи.

Вскоре выяснилось, что Пантелеймон – великий волшебник и связан с очень могущественным Богом, который, кажется, победил даже демона авгуры. В городе из уст в уста передавали слухи один поразительнее другого. Авгура оставила постель и даже опочивальню. Авгура отдыхала в атриум и беседовала со старым садовником Квинтом, который рассказывал ей о молодых годах императора. Однажды слышали даже, как авгура громко смеялась. Далее стало известно, что авгура, поддерживаемая нобилиссимами Валерией и Титаниллой, целый час гуляла в дворцовом саду. А секретарь по имени Квинтипор попросил у императрицы соизволения проводить ее в гранатовый сад, расцветший нынешней долгой и теплой осенью вторично. Цветы были пышные, с яркими лепестками, но не кроваво-красного, а бледно-розового цвета. Императрица погладила их, сказав, что цветом они напоминают детские губы, и повелела магистру каждое утро, пока цветут деревья, приносить ей несколько веток: проснувшись, она будет возлагать их на жертвенник Весты.

Достоверность этих рассказов об императрице подтвердилась в день прибытия августов. Утром на плоской крыше здания префектуры, замыкающего форум с запада, устроили сиденья, натянув над ними пурпурный полог. За час до заката там расположилась императорская фамилия. Крохотная фигурка авгуры, сидевшей в центре, терялась в пышном парадном окружении обоих цезарей, принцепсов и нобилиссим. Сзади стоял магистр с охалкой накидок и покрывал для ног. Осенние закаты были еще теплые, но чествование августов могло затянуться до вечернего холода.

В самом деле, солнце уже скатилось на самый край неба, когда звуки труб и оглушительный грохот тимпанов возвестили наконец о приближении повелителей вселенной. Предводимые эдилами ликторы загнали народ в портики форума и объявили: падать в ноги их божественности дозволяется всем, но только после официальных приветствий; а пока государей надлежит чествовать благоговейным безмолвием.

Церемония началась торжественным маршем трех тысяч юпитеридов и трех тысяч геркулидов – личных телохранителей августов. Они прошагали по площади, громыхая свинцовыми ядрами смертоносных пращей о щиты. За ними следовала тяжелая конница. Всадники в чешуйчатых панцирях окружали со всех сторон Диоклетиана в паланкине и Максимиана верхом на коне. Когда войска огромным полукольцом выстроились вокруг высокого ступенчатого помоста в центре форума, на площадь уже опустился вечер. Но из улиц, ведущих на главную площадь, огненными потоками хлынули легионы факельщиков.

– Постарел август! – вырвалось у Галерия, как только свет факелов озарил фигуры двух властителей, восседавших на высоких подмостках в креслах из слоновой кости. Никто не поинтересовался, какого из двух августов имел он в виду. Максимиан приосанился, стараясь выглядеть богом и в дорожном платье. Диоклетиан сидел в кресле расслабленный, ссутулившийся, низко опустив голову. Дремлет он или просто считает излишним проявлять внимание к пресмыкающимся у его ног смертным? Там, внизу, один за другим подходили на поклонение жрецы, государственные и городские сановники, граждане – и наконец, коллегии торговцев и ремесленников. Выразить в словах охватившее всех немое благоговение было задачей официального мастера красноречия Лактанция.

Когда с трибуны, установленной напротив помоста, но значительно ниже его, раздался взволнованный голос оратора, Диоклетиан поднял голову.

– Всевышние государи! Сподвижники богов! Отцы империи! – начал Лактанций, высоко подняв руку и прикрыв лицо тогой, как перед алтарем богов.

Полная луна поднялась над дворцами восточной стороны и залила светом крышу префектуры. Титанилла поежилась.

– Покрывало! – тихо потребовала она.

Квинтипор, шагнув вперед, накинул ей на плечи легкую шаль.

– Гранатовый Цветок! – шепнула девушка, искоса следя за рукой юноши, управлявшего накидку.

Голова Квинтипора на мгновение появилась над ее плечом.

– Что прикажешь, нобилиссима?

– Ничего. Я просто произнесла твое имя. Наконец-то я нашла – Гранатовый Цветок!

Никто не обратил на них внимания. Ритор уже открыл лицо и, согласно законам своего искусства, прижал обе руки к сердцу: это означало, что восторг мешает ему говорить.

Император посмотрел на крышу префектуры. Только теперь он заметил там свою семью и, открыв рот, застыл от удивления.

– Мама, мама, ты видишь? Он смотрит сюда! – зашептала Валерия, сжимая руку матери. Глаза жены увидели больше.

– Да!.. Улыбается нам! – взволнованно проговорила она и, счастливая, помахала ему рукой.

Но император уже перевел взгляд на оратора, приступившего к разворачиванию своего приветствия. Директор школы красноречия считал своим прямым долгом придерживаться правил, которые в юности учил сам и которым в старости учил других. Правила эти предписывали не только обязательные интонации, наморщивание лба, потирание и воздевание рук, соответствующую постановку ног, но и композиционную стройность речи. Но император много раз уже слышал, что он – столп и краеугольный камень, меч и щит, кладезь премудрости и неиссякаемый источник всевозможных добродетелей. Он заранее знал все, что будет дальше, и потому, глядя на оратора, понемногу начинал скучать.

– Мир наш доселе был словно корабль без кормчего, игралище хлябей морских, разъяренных жестокою бурей. Но Рим вседержавный, как якорь надежный, ввел его в гавани прочного мира. Что ни день, то прекрасней цветут наши земли. Всюду мы проложили свои дороги, и нет во вселенной таких уголков, которые были бы для нас недоступны. Земля стала для людей

поприщем деяний. Пустыни зеленеют посевами. От пашен и стад отступают леса. Упорным трудом мы сокрушаем камни. Болота и те превращаем в сады. Кого устрашат ныне дикие скалы и необитаемые острова? В лучах твоих мы всюду дома!

В глазах императора проснулось внимание.

– Евфрат не дерзает выйти из русла с тех пор, как ты перешел его, великий властитель! Вечные боги иссушили Рейн, видя, что отныне этот рубеж империи не нужен. Каледонские копья, оружие даков повержены ныне к твоим стопам и молят только о том, чтобы ты растоптал их, как панцири персов, арканы сарматов и стрелы парфян...

При слове «стрелы» император, откинув голову назад, стал рассматривать мириады звезд на бархатном небе, столько раз сиявших над ложем его то среди германских лесов, то в каменистых долинах Армении, то на нильских берегах, то у истоков Дуная. Взгляд Диоклетиана искал Сагиттария: как раз в ноябре в безмолвных просторах тверди небесной натягивает лук свой Стрелец.

Но в сиянии полной луны звезды меркли, да и зарево от факелов мешало видеть. Приложив козырьком ладонь к глазам, император напряженно всматривался в звездные узоры. Ритор с досадой заметил, что лучшие фразы его, подобно созревшим семенам одуванчика, летят по ветру, и в отчаянии, следуя глазами за взглядом императора, тоже поднял свой взгляд к небу. Оба увидели то, от чего сердца их замерли раньше, чем у заполнившей форум несчетной толпы.

В той части эклиптики, где взгляд, скорее, рисовал себе, чем видел, бледное созвездье Стрельца, словно прорвав небесную занавесь, вспыхнул огненно-красный метеор величиной с лунный диск. На мгновение он будто застыл на месте, потом стал скользить на запад. Он не летел, как падающие звезды, а медленно катился, как бы подталкиваемый невидимой рукой. Кроваво-красный цвет его смягчился до золотисто-желтого, – таким метеор и канул в наползающую из-за крыши префектуры непроницаемую мглу, протянув за собой прямой как стрела хвост.

Тревожный ропот прокатился по форуму, кони стали нервно бить копытами землю. Казалось, порядок вот-вот нарушится. Но ритор, стоявший по-прежнему с поднятой к небу рукой, снова обрел присутствие духа.

– И вот эта звезда – знамение того, что младенец родился, а с ним родился и новый порядок вещей!..

Утром Лактанций опять полемизировал с епископом, и тот, черпая аргументы из эклоги Вергилия<sup>90</sup>, доказывал ему, что рождение мессии в вифлеемскую ночь было предсказано. А теперь Лактанций, до предела взвинченный невниманием императора и появлением метеора, совершенно бессознательно повторил слова пророчества. Однако тут же спохватился и, хоть потерял нить своей речи, все-таки, будучи достаточно опытным в витийстве, сумел выйти из положения. Перекинув тогу через левую руку – предписанный жест наивысшего экстаза, он продолжал:

– С вашим владычеством на земле родился новый порядок, и этот бессмертный новорожденный задушил гидру анархии еще в колыбели. Пока боги не отдали под вашу власть всю поднебесную, жизнь самих императоров была не в большей безопасности, чем жизнь муравья, попавшего под пята слона. Но вы возвели на трон строгий порядок, – да правит он золотым скипетром своим всей вселенной; и с той поры сам отец смертных и бессмертных не решается отпускать богов на землю, опасаясь, что они не пожелают оставить вашу империю и вернуться на Олимп.

Оратор уже не пытался следовать заученному тексту. По лицу императора он заметил, что речь его нравится, и пришел в неподдельный экстаз. Он предоставил полную свободу фантазии, которая до тех пор паслась по обочинам дороги на привязи у традиций. И она понеслась

---

<sup>90</sup> Вергилий Марон Публий (70–19 гг. до н. э.) – великий римский поэт.

по грядущим столетиям – к тем временам, когда на земле наступит золотой век. Наказания станут ненужными, так как не будет больше преступлений. Насилие тоже отомрет, так как никто не пойдет против добродетели. Порядок – этот рожденный Диоклетианом божественный младенец – вырастет в чудесную гармонию, во власть которой с восхищением отдастся весь мир.

– Рим будет безмятежно господствовать над миром, и во всем свете перестанет коваться оружие. Урожаи будут созревать не для армий, волю понадобятся лишь для плуга и кони – для мирного труда. Навсегда смолкнут боевые трубы. Огромные армии воинов займутся мирными делами, станут изучать искусства и ремесла. Злая смерть никого уже не постигнет в бою.

Император с сияющим лицом обернулся к Максимиану, чтобы и тот разделил с ним его восхищение. Но западный август, во власти чудесной гармонии, сладко дремал, уронив голову на грудь. Только когда оратор делал паузу, чтобы перевести дыхание, Максимиан громко всхрипывал, резко встряхивая головой.

По правилам Квинтилиана<sup>91</sup> оратор отмечает приближение конца своей речи страстным, но небрежным откидыванием тоги за плечо. Лактанций, сверх того, простер обе руки к звездам.

– Что же может сказать смертный, когда великие боги, радуясь прибытию своих любимцев, пронзают мрак золотыми стрелами!

Император встал. Площадь потряс шквал ликующих возгласов. Толпы, терпеливо стоявшие в портиках, хлынули на форум. Ритор, ожидавший на трибуне приглашения императора, был мгновенно поглощен человеческим потоком. Такая же участь грозила и возвышению с тронном. Но его плотным кольцом окружили конники, оставив лишь небольшой просвет, чтобы толпа все-таки могла лицезреть божественных государей. Сумятица, вопли и смех немного утихли, когда всадники, кое-как пробившись сквозь толпу, огласили сообщение городских властей: у храма Диоскуров на базарной площади началась раздача жертвенного мяса, и вино из семи погребов уже полилось в мраморные бассейны, в деревянные корыта.

Конные телохранители благожелательно и осторожно прокладывали дорогу к священному дворцу. Члены августейшего семейства поднялись со своих мест на крыше префектуры. Они решили опередить августов, чтобы встретить их в портале дворца. Но императрица, шестнадцать лет не бывавшая среди людей, тотчас вернулась на свое кресло, а за ней и остальные.

На южном конце форума всадников задержала огромная толпа, заслонившая выход на улицу Сингон. Люди хотели видеть императора: в их возгласах все время повторялось имя Диоклетиана. При свете факелов было видно, что почти все эти люди – мужчины, женщины и дети – одеты бедно. В первом ряду, энергично жестикулируя, стояли портовые грузчики, поденщики и слуги; за ними чернела густая толпа. Их предводитель – сгорбленный лысый старик, по виду крестьянин, – держал в руке пальмовую ветвь. Он что-то сказал центуриону всадников; тот, выслушав его, доложил Диоклетиану. Император, знаком повелев солдатам оставаться на месте, вышел вперед. Лысый старик, став на колени и положив пальмовую ветвь к ногам Диоклетиана, возгласил:

– Слава сыну Давидову!

Остальные, расстилая свои хламиды на пути Диоклетиана, восклицали:

– Благословен грядый во имя Господне!

Император с приветливым выражением лица шел между рядами оборванцев, ступая по расстеленным на земле одеждам. Вверху, на крыше, Констанций с Константином обменялись быстрым взглядом. Галерий, больно стиснув Максентию локоть, промолвил:

– Посмотри... И тут безбожники!

Принцепс охнул от боли.

– Что с тобой? – удивилась Титанилла.

– Получи то, чем угостил меня твой отец, – ответил Максентий, ущипнув ее за руку.

<sup>91</sup> Квинтилиан (ок. 35 – ок. 96 гг.) – римский оратор и теоретик ораторского искусства.

Девушка, украдкой взглянув на Квинтипора, заметила, что тот побледнел. Она с улыбкой взяла принцепса под руку.

## 9

С самого обеда Саприция твердила мужу, чтобы тот пошел на форум встречать императора. Но садовник в ответ повторял:

– Не буду я толкаться в этом стаде! Никуда не пойду, пока хозяин сам не позовет. Ты что, старуха, не знаешь меня?

– Как же, как же! Мне ли старика своего не знать! Будешь, значит, дожидаться, пока император приглашение пришлет: господину садовнику и его дражайшей фамилии...

– Вот увидишь, старуха, так и будет!.. Императору за ужином кусок в горло не полезет, пока я самолично приятного аппетита ему не пожелаю.

– Вон что?.. Ну а я?.. По-твоему, меня он и видеть не захочет?

– С тобой он после ужина успеет повидаться.

Так они подтрунивали друг над другом, пока от портала дворца к ним не донеслись торжественные звуки труб, которыми приветствовали божественных государей у порога их обители.

– Теперь уж хозяин наверняка не пришлет за тобой. Наколи лучше дровишек, – выглянув из кухни, сказала Саприция.

– Ну-ну, не командуй! – огрызнулся Квинт, изо всех сил стараясь втиснуть ногу в старый солдатский башмак — Разуль глаза-то: я опять солдат, а не садовник!.. А дров я тебе еще утром нарубил. Посмотри, вон там в углу... Не знаешь, собака, какой нынче день-то?!

Последняя фраза относилась к башмаку. Было девятое ноября – годовщина освобождения императором Квинта от военной службы. Каждый год садовник надевал в этот день все солдатское. Доставал свой грубошерстный военный плащ, свой кожаный шлем и вместо деревянных башмаков натягивал солдатские калуги. С плащом было просто: его можно обернуть вокруг худого стариковского тела хоть дважды. Но ссохшиеся башмаки налезали на отверделые ступни все менее охотно.

– Клянусь Меркурием<sup>92</sup>! – топая ногой, бормотал Квинт – От готов в такой обуви, пожалуй, удерешь, а вот женщину не догонишь!

Но женщина появилась из кухни сама и, вытирая глаза платком, обрушилась на мужа:

– Что ж это за дрова?! Дым один!.. Все глаза выело!..

Квинт, копаясь у себя в сундучке, с раздражением ответил:

– Почему я знал, что старый негодник даже на дрова не годится!

– Ты это о себе, что ли, вояка?

– Нет, мать!.. Тот воитель поизносился, пожалуй, еще побольше меня!

– Кто такой?

– Да Приап<sup>93</sup>.

– Бог Приап?! – всплеснула руками Саприция.

– В том-то и дело, что для бога он староват. Ну я и пустил его на дрова.

– Ох-ох-ох, Квинт!.. Что ты наделал?!

– Чего разохалась! Ты подумай сама: ему у нас только и дела было, что ворон пугать в винограднике. А нынче утром гляжу: поклевали, проклятые, весь черный виноград. А я-то берег его для императора. Схватил я топор и говорю: «Что, старый бездельник, и тут осрамился? Отправляйся теперь в печь, хоть там порадуешь мою старуху...» Что-то шлем никак не найду... не стянула ли ты и его?

<sup>92</sup> Меркурий – в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников. Соответствует греческому Гермесу.

<sup>93</sup> Приап – в античной мифологии божество производительных сил природы. Культ Приапа достиг расцвета в римскую эпоху. Страж садов и полей, покровитель рыбаков и матросов, сводник и кутила, «учитель Вакха».

Саприция благоразумно отступила под дымовой завесой, сотканной из бранных останков бога, принесенного в жертву повседневным нуждам. Зная по опыту, что мужчинам явно не хватает житейской мудрости, она, не спросивши супруга, приспособила некогда славный боевой доспех для хранения яиц.

Из буксовой аллеи донесся звук чьих-то торопливых шагов.

– Квинт, скорей, к повелителю! – послышался голос запыхавшегося Квинтипора.

– Ага, старуха! Что я говорил?! Живо – черный виноград в плетенку!.. А с тобой император уже беседовал?

– Что ты, Квинт!.. Это начальник дворцового ведомства послал за тобой. Я императора и в глаза не видал. И зачем ему видеть меня?

– Ничего, ничего! Сейчас увидит. Иди за мной! Я знаю, что говорю. Понесешь виноград. Пусть властитель знает, что ты можешь быть ему полезным, хоть он и превратил тебя в господина.

Император находился на женской половине. В резиденцию Максимиана, где собиралась вся семья, Диоклетиан не пошел. Он переоделся в просторный далматик и приказал подать ужин к императрице. Вечерняя трапеза состояла из многочисленных блюд, от возбуждающих аппетит пряностей до мучного и фруктов, но августейшая чета, видимо, ни к чему еще не притрагивалась. У придвинутого к ложу инкрустированного стола в ожидании распоряжений стоял на коленях невольник- испанец в праздничном наряде из алого шелка – прегустатор Балсас. Он обязан был присутствовать на всех, даже самых интимных и скромных, трапезах, чтобы самому проверять доброкачественность подаваемых блюд и напитков. Солдаты, по своему невежеству, убивали императоров открыто и грубо, а обходительные, утонченные царедворцы охотнее применяли яды, которые – без кровопролития и лишнего шума, с меньшим риском – давали лучший результат. Роль прегустатора была так важна, что император и не помышлял об упразднении этой должности. Более того, если бы ее не создали задолго до Диоклетиана, он сам догадался бы ее ввести. Должность прегустатора была не совсем безопасной, а поначалу весьма неприятной: посвящаемого в прегустаторы после принесения присяги лишали слуха, ведь за столом в семейном кругу сам божественный император может забыть себя и сболтнуть лишнее. Так что барабанные перепонки прегустатору были совсем не нужны: он должен был научиться слушать глазами.

Балсас уже десять лет пробовал пищу императора и порядочно разжирел, правда, не на харчах самого Диоклетиана, очень простых и даже скудных. Но ему ни разу еще не представилось случая спасти жизнь господина. К глухоте своей он довольно скоро привык, и, мало склонный к созерцательности, так же легко перенес бы, пожалуй, и слепоту. Ничто его не занимало, кроме действий, требуемых по должности. Подносить пищу или напитки к своему рту он с таким же успехом мог бы и вслепую. Единственным огорчением для этого добросовестного служащего была невозможность исполнить свой долг, а он чувствовал, что способен выполнять его особенно хорошо.

Этот вечер был таким, что прегустатор и в смертный свой час будет вспоминать его с горечью и негодованием. Напрасно лакомые куски вепрятины, зайчатины, поросятины, утятин, мяса рябчиков, дроздов, фазанов и морских рыб всем своим видом манили к столу Императрица вдруг расплакалась. Император ласково уговаривал ее что-нибудь скушать, пока у него самого с досады не навернулись слезы. Прегустатор, как человек, знающий толк в кулинарии, хоть ничего и не слышал, прекрасно разбирался в происходящем. Императрица не хотела есть. Император упрашивал ее сначала ласково, потом стал грозить, что, если она будет упрямиться, он тоже не съест ни кусочка. В конце концов оба заплакали от злости. Балсас, который в молодости иной раз жалел, что по долгу службы остался холостяком, хотя глухота сама по себе вовсе не была помехой для брачной жизни, теперь от всего сердца благодарил бога за то, что ему никогда не приходится потчевать женщин.

Однако фантазия прегустатора направила его по неверному пути.

– Ты знаешь, Диокл, какой нынче день? – спросила императрица, взяв мужа за руку.

– Очень веселый день! – отвечал Диоклетиан и, погладив жену по бледному, изнуренному личику, добавил: – Ты сегодня как никогда свежа и красива! Я не поверил глазам своим, увидев тебя там, на форуме. Не помню, когда я еще так радовался!

– Не о том речь, Диокл! Нынче девятое ноября!

В этих немногих словах прозвучало столько неизъяснимой скорби, сколько не наберется у десятка плакальщиц за целую ночь.

– Что ты говоришь, голубушка! А мне это и в голову не пришло!

За долгие годы своего владычества Диоклетиан, как опытный властитель, научился искусно притворяться и при надобности кривил душой легко и свободно, но не в разговорах с женой, подобных сегодняшнему. Девятое ноября не выходило у него из головы уже в течение многих дней.

– Тебе легче, Диокл: ты – отец! Только матери, видно, должны до самой смерти терзаться воспоминаниями!

Чтобы не видеть глаз жены, император прижался щекой к ее плечу.

– Знаю, милая, знаю: ты о сыне!

– Да!.. Сегодня ему исполнилось бы восемнадцать лет. И уже шестнадцать лет мы ничего не знаем о его судьбе!

Император вздрогнул.

– Не надо, Приска, не надо!.. Не говори об этом!.. Нельзя вспоминать об умерших в день их рождения! В эти дни Гадес на лугах асфodelей дает им свободу. И если их зовут домой, они являются. Неужели ты хочешь всю ночь слышать плач ребенка?!

– О-о, Диокл! Услышать хоть раз!

– Но он попросит есть, а ты не сможешь его накормить, потому что он – только тень... Он протянет к тебе руки, но ты не сможешь его поцеловать, потому что он только тень... Ты спросишь, здоров ли он, но он не сможет тебе ответить, потому что он – только тень... А с рассветом он вернется к таким же бесплотным теням, как он сам, с которыми он может разговаривать, и расскажет им, что навестил свою мать, но она не накормила его, не поцеловала и даже не спросила о здоровье... Лучше, Приска, вовсе в этот день не поминать его. Не будем о нем говорить. Хорошо?

Беззвучные рыдания душили августу, и некоторое время она не могла вымолвить ни слова. Потом, уронив голову на грудь мужу и всхлипывая, с трудом проговорила:

– Хорошо, не будем больше об этом. Только скажи мне, Диокл, ты действительно уверен, что наш сын погиб?

Не всегда удавалось Диоклетиану уклониться от встречи с женой в этот день. Он знал наперед, что этого вопроса ему не избежать, и мог ответить на него не задумываясь. Может ли он сомневаться, если видел все своими собственными глазами.

– Расскажи, Диокл, расскажи!

– Милая, сколько раз я уже рассказывал тебе!

– Расскажи опять! Кто знает, не в последний ли это?

Со сдержанной грустью, тихим голосом Диоклетиан стал опять рассказывать всю историю, как обычно детям рассказывают о смерти. В ту пору войска его были расположены недалеко от Пессина; семья тоже находилась при императоре. Все готовились отпраздновать вторую годовщину его восшествия на престол. Он вспомнил о пессинском оракуле и подумал: если жрица верно предрекла будущее ему, то почему бы ей не предсказать судьбу и его сына. Было раннее утро. Императрица еще спала, когда он, завернув мальчика в плащ, вскочил на коня, рассчитывая вернуться до того, как она проснется. Однако по дороге в Пессин на крутом берегу реки его конь, чего-то испугавшись, встал на дыбы, потом рухнул наземь. Император

даже не ушибся, но Аполлоний у него на глазах полетел прямо в пучину. Пока Диоклетиан высвобождался из-под коня, бурный поток унес маленькую жертву прихоти великих богов под землю. Только детская сандалия долго еще кружилась в водовороте.

В конце этого печального повествования императрица неизменно падала в обморок. Теперь же, крепко сжав ладонями лицо мужа и глядя ему в глаза, она воскликнула:

– Скажи, Диокл, ты не думаешь, что мальчика спасла и воспитала какая-нибудь нимфа? Совсем растерявшись, император отвечал:

– С чего это, милая, пришло тебе в голову? Ты никогда ничего подобного не говорила.

– А Пантелеймон уверяет, что я еще могу встретиться с сыном. Наверное, он имел в виду что-нибудь вроде этого... Ведь добрая нимфа могла приголубить нашего Аполлония и воспитать его как речного бога... Впрочем, нет!.. Пантелеймон не верит ни в нимф, ни в речные божества... Они не признают никаких богов, кроме своего, единого.

Августа сокрушенно опустила голову.

– Кто этот Пантелеймон?

– О, Пантелеймон – великий христианский маг! Врач. Это он поставил меня на ноги... Кстати, ты ничего не имеешь против, что меня лечит теперь он, а не Синцеллий?.. Он и Валерии, конечно, поможет.

– Валерии? А что с ней?

– Пантелеймон сказал, что она – великая грешница, преступница.

– Наша дочь?! – поразился император. – Ты знаешь, в чем ее преступление?

– Она ненавистница. Пантелеймон говорит, что ненавидеть – величайший грех.

Император недоумевал. Преступление – это нарушение закона. За восемнадцать лет своей власти он издал больше законов, чем все его предшественники за последнее столетие, но ненависти он ни в одном законе не запрещал. Разве можно это запретить: чувство злости, неприязни присуще человеческой природе. Правда, у него самого ее нет: никогда ни к кому он не питал особой вражды. И все-таки немисливо объявлять это чувство преступлением или, как выражаются христиане, грехом. Да сами блаженные боги – великие ненавистники. Нередко они злобятся даже друг на друга, а уж простым смертным, если те обидят богов, никогда не удается избежать их лютой мести.

– Кого же ненавидит Валерия? – с усмешкой спросил Диоклетиан.

– Мужа своего, Галерия.

– Почему? Разве он обижает ее? По-моему, он человек достойный.

Августа чуть было не ответила, что от Галерия пахнет кровью, но сдержалась. Диоклетиан не имел обыкновения разговаривать с ней о государственных делах, но она не раз слышала от него, что нельзя править государством без кровопролития. Вот и за порфиру пришлось пролить кровь. После рассказов Пантелеймона о их незлобивом боге августа не любила вспоминать про Апера, послужившего последней ступенью к трону. Теперь она думала об этом, хотя прежде подобные мысли никогда не приходили ей в голову. Ее мучил вопрос: может быть, их родительское злосчастье – возмездие за власть, зачатую в крови?

Долго всматривалась августа в крепкую конусообразную голову мужа, похудевшего, немного сутулого, рано состарившегося. Редкие седые волосы, морщинистый лоб, глубоко запавшие усталые глаза, тонкие, плотно сжатые губы – все это говорило о том, что император – не баловень богов, которому все в жизни дается легко. Она всегда любила мужа, но не без горечи. Августа завидовала его силе, положению, спокойной уверенности, иногда даже его бессердечию. Сегодня впервые он вызвал у нее жалость, хотя она не могла бы объяснить – почему. Просто почувствовала, что грозный повелитель вселенной, сомкнутые уста которого никогда не выражали ни печали, ни радости, на самом деле – такой же, как и она, – несчастный, обойденный судьбою человек.

С ресниц августы-матери на ладонь императора-отца упала одна-единственная крупная горячая слеза.

– Ничего, Диокл, они еще молоды, попривыкнут, – ласково промолвила она, чувствуя, что должна успокоить мужа.

В дверь постучали. Вошел номенклатор и сообщил, что пришли садовник Квинт с Квинтипором: говорят, что их вызвал божественный государь.

– Да!.. Но кто этот второй?! – взволнованно воскликнул император.

Опасаясь, что старый ветеран, грубоватый и упрямый, задумал вопреки повелению пред- ставить императору своего сына, императрица поспешила успокоить мужа:

– Квинтипор – сын садовника. Хочешь, взгляни на него. Он ведь твой раб... я его знаю... очень милый, скромный мальчик... словно и не Квинтов сын – до того они непохожи. Или, может быть, не надо: ты, наверное, устал, Диокл?

– Что ты! Нисколько! – вскочил император с места и порывисто шагнул к дверям.

– Заходи, старый товарищ!.. Ай-ай-ай! И тебе не стыдно?

Квинт грохнулся на колени у порога и ни за что не хотел вставать, пока не облобызает стопы повелителя.

– Ну-ну! Этого еще не доставало. – Император стал его подымать, протягивая ему руку. – Принес виноград?..

Император наклонился к Квинтипору, стоявшему на коленях с корзиной в руках, но тут же выпрямился и спросил императрицу:

– Хочешь винограду на ужин, Ириска?

– Пожалуй. А ты, государь, не покушаешь ли сперва чего-нибудь поплотнее?

– Нет, нет! Больше ничего не хочу! – возразил он и указал застывшему на коленях пре- густатору на дверь; тот выполз из комнаты. – Я уверен: виноград, который принес нам мой Квинт, не отравлен.

Присев на край ложа, Диоклетиан протянул августу на ладони виноградную гроздь.

– Я не знал, Квинт, что у тебя есть брат.

– У меня нет брата, государь. Я отрекся от него после того, как он осрамил меня.

– Как так?

– Был он тут у меня в гостях. Я принес Сильвану<sup>94</sup> откормленного шестинедельного поро- сенка. Все как полагается: часть богу, часть жрецу, а остальное взял домой и гостей созвал. И вдруг ублюдок этот при всех заявляет: он-де свинину есть не будет. Вот тебе раз! Ты что же, спрашиваю, в евреи подался? Не в евреи, говорит, а в христиане. Сперва мы решили, что он просто перехватил малость, но глядим – нет, просто рехнулся, бедняга! Недаром второй раз женился. И с той поры мы не едим с ним из одной миски.

Император положил в рот жене еще одну виноградину и, не оборачиваясь, спросил:

– Значит, это твой сын, Квинт?

– К его счастью, уж не мой сын, а твой раб, государь. Вон как его нарядили. Ишь каким важным господином выглядит.

Император повернулся и внимательно посмотрел на Квинтипора.

– Встань, мальчик!.. В какой ты должности?

– Не знаю, божественный государь, – поднимаясь на ноги, ответил Квинтипор и покрас- нел – Препозитор сказал, что на должность он назначит меня потом.

– Может быть, ты секретарь... с-ы-ы-н мой? – спросил император, как-то странно растя- нув слово «сын» и понизив при этом голос.

– Да, божественный государь. Я магистр священной памяти.

---

<sup>94</sup> Сильван – в римской мифологии первоначально бог лесов и дикой природы, позднее – покровитель земледелия, защит- ник усадеб и животных.

- Хочешь стать военным... сын мой?
- Если твоя божественность того пожелает.
- Я спрашиваю тебя... сын мой, желаешь ли ты быть военным?
- Нет, божественный государь.

– Он в самом деле не гош в солдаты, повелитель, – поспешно вмешался садовник. – Ему уже восемнадцать лет, а он ни разу еще ни с кем как следует не подрался. Малость рановато взял ты его, государь, из-под родительской руки. А этот старый верхогляд только его портит.

– Верхогляд?.. А-а! Звездочет! – усмехнулся император. – Ну, ничего. Если Бион что испортил, мы подправим.

Подойдя к юноше вплотную, император впервые посмотрел прямо ему в глаза. Квинтипор изумился: от многих он слышал, что глаза у императора глубоко запавшие, холодные, серые; но они оказались вблизи такими теплыми, добрыми, голубыми. На мгновение вспомнилась ему другая пара глаз, таких же переменчивых; юноше показалась удивительна и та сила, с которой руки императора, казалось уже дряхлеющие, стиснули его плечи.

– С сегодняшнего дня – ты мой секретарь. Вот тебе первое поручение: разыщи Биона и передай ему, чтобы через час он явился ко мне в рабочий кабинет... вместе с тобой.

Все закружилось у Квинтипора перед глазами, и он молча упал на колени. Император запустил пальцы в белокурые волосы юноши.

– Теперь, сын мой, мы часто будем вместе, и потому я освобождаю тебя от адорации. Отныне ты должен преклонять колени только перед августой.

Он протянул юноше руку для поцелуя, но без снисходительности вельможного благодетеля, а с мягкой, почти отцовской сердечностью. Целуя эту руку, Квинтипор подумал: не то слишком горячи его, Квинтипора, губы, не то слишком холодна рука императора. Потом он преклонил колено перед августой. Но та, вяло махнув рукой, отвернулась.

– Ступай!.. – И, чуть не рыдая, позвала: – Диокл!

Император подбежал к августе и наклонился над ней.

Квинт почесал затылок: его, правда, не отпускали, но и не приказывали оставаться. К тому же он еще не знал, зачем его вызывал властитель. Может быть, просто хотел взглянуть на старого солдата. Квинт повременил еще немного, но, заметив, что супруги заговорили шепотом, неслышно выскользнул из комнаты вслед за сыном.

– Диокл! – обняв мужа за шею, промолвила императрица. – Я совсем не против, что тебе так полюбился этот юноша. Я сама была к нему до сих пор благосклонна. Но садовник сказал сейчас, что ему восемнадцать лет. Ты слышал?.. И мне подумалось... что... ведь... и нашему... тоже было бы восемнадцать... потому я и была с ним такой.

Император взял страдальческое лицо жены в свои ладони.

– Завидуешь, значит? – с понимающей улыбкой промолвил он. – А как на это посмотрит твой Пантелеймон?

## 10

Дома, в Никомидии, рабочий кабинет императора напоминал, скорее, контору нотариуса, чем мастерскую, где божественный повелитель мира кует судьбы десятков миллионов людей. Там хозяин вселенной был хозяином и самому себе. Сюда же, в Антиохию, хоть и в собственный дворец, он прибыл все-таки гостем, чтоб оказаться во власти магистрата дворцовых служб. Здесь его кабинет был оборудован с такой роскошью, среди которой человек, выросший в бедности, всегда будет испытывать некоторую неловкость, особенно наедине с самим собой.

Может быть, именно в связи с непривычностью обстановки математик еле узнал императора, когда, вместе с Квинтипором, был допущен к Диоклетиану. Император всегда представлялся ему человеком неизменно дисциплинированным и бесстрастным. Таким он видел Диоклетиана и под Александрией: даже гнев властелина возгорался холодным пламенем. Но теперь Диоклетиан принял Биона так же, как император Траян, наверно, принимал своего философа Плиния<sup>95</sup>. За его любезностью не чувствовалось ни малейшего высокомерия, а некоторая снисходительность казалась искренне дружелюбной. Словно какой-то неведомый огонь вдруг согрел душу императора, подобно тому как рука искусного гранильщика пробуждает в рубине доселе дремавшее там сияние.

– Чувствуйте себя в этом кабинете лучше, чем я, мой БIon, – произнес Диоклетиан, веселой улыбкой смягчая горечь своих слов.

– Твой кабинет, государь, – вся поднебесная! – с поклоном воскликнул математик. – Если ты способен наполнить своими идеями целый мир, то, естественно, этот кабинет кажется тебе лишь бедной и тесной клетушкой!

– Перестань, БIon. Ты ведь не ритор, – усмехнулся император. – Лучше скажи, как зовут твоего друга? Он все-таки не такой нудный, как прочие... После заседаний консистории приведи его ко мне... Знаешь, зачем я тебя позвал?

– Да, повелитель. Сегодня девятое ноября. Я принес гороскоп Аполлония.

Император кинул быстрый взгляд в сторону Квинтипора, стоявшего возле статуи Антиноя<sup>96</sup>.

– Как две капли воды! – поразился Диоклетиан.

БIon вслед за императором посмотрел на юношу.

– Позволишь при твоем секретаре, государь?

– Нет, нет! – энергично покачал головой император. – Ему будет неинтересно.

Но когда юноша, поклонившись, направился к выходу, Диоклетиан схватил его за руку.

– Постой, зачем уходить? Дворцовая служба, наверно, не забыла поставить на балкон какое-нибудь ложе.

Снаружи к огромному залу примыкал большой балкон, куда император и проводил Квинтипора, взяв его под руку. Напротив светились окна резиденции Максимиана. Расстояние не позволяло видеть лица, но многих можно было узнать по силуэтам. Особенно выделялась громоздкая фигура Галерия.

– Вот здесь и подожди, пока я позову.

Математик разложил на столе восковую таблицу. На ней были нанесены две окружности, проходящие через знаки Зодиака. Во внутренний круг был вписан треугольник с вершинами,

<sup>95</sup> Плиний Младший (61 или 62 – ок. 114 г.) – римский писатель. Автор сборника писем (в 10 кн.) и «Панегирика» императору Траяну.

<sup>96</sup> Антиной – греческий юноша, любимец императора Адриана. После смерти (утонул в 130 г.) был обожествлен и стал символом юношеской красоты.

упирающимися в созвездия Стрельца, Девы и Овна. В сегментах внутреннего круга, образованных треугольником, были обозначены планеты.

Император, облокотившись обеими руками на стол, спросил с нескрываемым волнением:

– Ну, как? Что-нибудь изменилось с прошлого года?

– Ты помнишь, государь, прошлогоднюю фигуру?

– Конечно! Сатурн тогда находился в соединении с Юпитером, и ты сказал, что это самое благоприятное сочетание. Хочешь, покажу: я сохранил все десять.

Император указал на еще не разобранные дорожные вьюки.

– Не надо, государь. Тот, чья судьба тебя интересует, и ныне находится под покровительством благодетельных богов. Восход начинается в самом сердце небесного свода, и таких аспектов не имел, пожалуй, еще ни один смертный.

– Значит, никаких изменений нет?

– Есть, государь. Луна вышла из своего дома, а Венера встала в противостояние к Юпитеру.

Император вскинул голову.

– Этого я не понимаю. Я ведь не ученый. Выражайся понятней. До сих пор о Венере речи не было.

– Да, государь, но Аполлонию исполнилось восемнадцать лет.

– А Луна?

– Луна его не касается. Все связано с Венерой.

– Ты сказал, что Венера противостоит Юпитеру. Что это значит? Усиливает она его или ослабляет?

После минутного колебания математик ответил:

– Как тебе сказать, государь? Венера может и усиливать и ослаблять... Она только что появилась, и я еще не все ясно вижу.

– Кто же она, эта Венера? На звездах этого не написано?

– Разумеется, написано, государь. На небе написано все, но глаза смертного немного могут прочесть там.

– Значит, кто Венера – нельзя узнать?

– Видишь ли, государь, для восемнадцатилетнего юноши любая женщина – Венера. Могу сказать одно: Венера сейчас в доме Девы, из чего можно заключить, что Венерой Аполлония будет девушка.

– А раньше была у него любовь?

– У кого?

– У Аполлония, конечно! Ты должен знать.

– Откуда, государь? Я исследую будущее, а не прошлое.

Император порывисто встал с места и крикнул в сторону балкона:

– Сюда, Аполлоний!

Математик взглянул на Диоклетиана с изумлением.

Император побледнел и, схватившись за голову пошатываясь, направился к алтарю Юпитера, белевшему в дальнем углу зала. Снял с жертвенника белое полотняное покрывало, покрыл этим покрывалом себе голову, поднял вверх правую руку и несколько минут истово молился. Потом опять накрыл алтарь полотном и уже спокойно позвал:

– Квинтипор!

Но юноша не услышал. Запрокинув голову, он вглядывался в звездное небо. О! Если бы усвоить науку Биона! Или если бы хоть где-нибудь билось сердце, к которому можно было бы приклонить разгоряченную голову!.. Саприция? Странно, но он вовсе не желал, чтобы на лоб ему легла шершавая рука доброй старушки. Отец?.. И он ему не нужен. За годы путешествий Квинтипор отвык от родителей. Правда, когда-то было так приятно засыпать в постели, при-

жавшись к матери. И сколько было веселья, когда Квинт, чтоб прогнать ломоту в пояснице, ложился ничком на пол и приказывал сынишке поплясать у него на спине. А здесь, в Антиохии, и в отношениях с Бионом появилась какая-то отчужденность. Что с ним творится?.. Благоволение императора?.. Нет, нет, не может быть! Он хорошо знает, что милость государя может в любую минуту иссякнуть. Но почему он так верит теплому взгляду императора и боится холодного лица августы?

В одном из окон напротив погасили свет. Юноша поймал себя на том, что давно не смотрит на небо. Это, конечно, Титанилла! Кому, кроме нее, могло прийти в голову оставить праздничный стол ради звездного неба. Интересно, какую звезду она ищет? Угадать бы, чтобы взгляды их встретились там, в беспредельной выси. Знает ли она, что вот этот золотой солид – Юпитер, а серебряный сестерций – Венера? Тот заходит, а эта восходит. Вдруг юноша чуть не вскрикнул от радости: взгляд Титаниллы устремился на восток.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.